

DOCTOR WHO

SHORT TRIPS

A COLLECTION OF SHORT STORIES

ДОКТОР КТО

**Короткие путешествия
(BBCST1)**

**КОРОТКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ**

под редакцией Стивена Коула.

Short Trips (BBCST1)

Short Trips

Edited by Stephen Cole

Модель железной дороги

Джонатан Блум

Переведено на Нотабеноиде

<http://notabenoid.com/book/48674/199980>

Переводчики: zolko, Vvn1995

Однодюймовая фигурка в раскрашенном деловом костюме стояла на краю железнодорожной платформы, постукивая своими заводными пальцами, словно ожидая чего-то. Очередь позади неё тихо гудела. Наконец, безупречная миниатюрная копия паровоза 1920-х годов с шумом и грохотом понеслась к станции, потянув за собой три сделанных вручную пульмановских вагона¹. Человечки терпеливо ждали, пока поезд остановится, переминались с ноги на ногу, пока поток других фигурок выходил из вагонов, и, наконец, двинулись всей толпой в поезд, где расселись по своим местам.

Доктор наклонился поближе к станции, его добрые голубые глаза быстро пробежались по выражениям крошечных механических лиц. У каждой фигурки была идеально сделанная причёска — совсем не так обстояли дела с его каштановыми кудрями. Потом он выпрямился и повернул одну

¹ Прим. пер.: Вагоны для паровозов, производимые фирмой «Пульман» в конце XIX — начале XX века. Вагоны этой фирмы славились своей комфортабельностью. Само слово «Пульман» («Pullman») благодаря этому обрело свой смысл — в высшей степени комфортабельный пассажирский железнодорожный транспорт.

из десятков ручек на панели управления, тем самым приведя колёса поезда в движение, и вздохнул.

Он хмурился.

Модель поезда перед ним была чудом — чудом его собственного производства, на самом деле, — построенным много лет назад, в его другой жизни. Более дюжины поездов всех видов — электропоезда, паровозы, даже старая дрезина Микки Мауса — ездили по пяти станциям, расположенным на огромной территории тщательно продуманной сельской местности. Миниатюрная речка, берущая начало в горах, сделанных из папье-маше, пробегала под полудюжиной мостов, постепенно расширяясь, пока не впадала в сверкающее озеро рядом с конечной станцией Береговой Линии. А человечки были венцом его творения, продуктом месяцев работы в мастерской и ещё большего числа месяцев кропотливой раскраски их лиц. В итоге мир, созданный им, простирался от стены до стены его отделанного деревом кабинета и гарантированно заставлял каждого, кто видел его, широко раскрыть глаза в изумлении.

Так чего же теперь не хватало?

Сколько себя помнил, он всегда любил поезда. Даже будучи маленьким мальчиком он мечтал водить поезд. Временами он смотрел на свою мечту под другим углом. В определённый момент своей жизни он скорее предпочёл бы стать станционным смотрителем, спокойно присматривающим за своим участком и содержащим в порядке свою шестерёнку большого механизма, а в другое время он бы с удовольствием стал человеком, спасающим прелестниц с железнодорожных путей, к которым их с пугающей регулярностью привязывали мужчины с подкрученными усами. Он подозревал, что одна из его предыдущих инкарнаций предпочла бы быть паровой машиной — яркая и безвкусная латунь, пыхтящая, сопящая и производящая невозможный шум и стук.

Но в последнее время он склонялся к тому, чтобы стать человеком в «нервном центре», направляющим и переключающим поезда на всех их бесконечных маршрутах, каждый из которых играет роль в большом гобелене расписаний и мест назначения. Это был Доктор, который сделал макет поезда, обточил каждый двигатель и выложил рельсы, он получал от этого удовлетворение создателя, знающего все тонкости и слабости системы, которую он спроектировал. Он устанавливал каждый поезд на свои рельсы и с удовольствием манипулировал десятками мельчайших деталей, чтобы не допустить их столкновения. Он получал удовольствие в преодолении опасностей или, что было даже лучше, в возможности не допустить потенциальной опасности. Он был человеком, лицо которого озарялось детской улыбкой при виде огромной шумной системы, работавшей нормально. Наконец, он разработал план, в котором все работало.

Не важно, что ещё вы можете сказать о нём, он сделал так, что поезда ходили по расписанию.

Но сейчас новый Доктор смотрел на модель железной дороги со смутным недовольным неодобрением. Хорошо было иметь систему, точно реагирующую на твои пожелания, но где в этом был сюрприз? Если он что-то поправлял в железнодорожной сети, то всегда инстинктивно понимал, что надо изменить, но система никогда не поправляла сама себя. Почему ничего не происходит без его влияния?

Миниатюрный ландшафт требовал постоянного внимания, чтобы не допустить поломки. Если он отходил или позволял своему разуму отвлечённо блуждать, всё либо замирало в неподвижности, либо рушилось от столкновений, а поезда сходили с рельсов. Ему начинало надоедать беспокоиться о судьбе каждой детали. Почему у него не может быть системы, самостоятельно следящей за всем?

И вот что он сделал.

Повинуясь внезапному порыву, он помчался в мастерскую ТАРДИС, длинную низкую комнату, пропахшую сыростью и машинным маслом. Он рыскал среди рядов громоздких металлических машин, пока не нашёл то, что искал: старинный компьютерный терминал, скрывавшийся за токарным станком и прессом для микрочипов. Он придвинул стул и отдался на волю воображения.

Его первым творением был локомотив, который сам себе клал рельсы, свободно блуждая по полу, как хомяк в пластмассовом шаре. Этот замысел не был всецело удачным; электропоезд, вьющийся вокруг его ног во время работы за консолью, определённо приносил увлекательное новое ощущение, но его радость заметно снизилась в тот день, когда поезд удрал по коридорам ТАРДИС так быстро, как ему позволяли его маленькие колеса, чтобы уже никогда не быть увиденным. Однажды он бы обязательно вырвался на свободу, размышлял Доктор, возвращаясь в свою мастерскую.

На этот раз он взял с собой пассажира, для вдохновения. Крошечная женщина в расписном костюме стояла наверху монитора терминала, вежливо, но многозначительно поглядывая на свои часы каждые несколько минут, ожидая прибытия поезда. Запрограммировать их было минутным делом, он просто давал пассажирам стремление постоянно куда-то двигаться. Это был простой стимул, с которым он сам был вполне знаком.

Но на что ещё они способны?

Следующие два дня он проработал за компьютером. Изредка вспоминая про сон и еду. После этого он сбросил свой пиджак, засучил рукава и растопил печь. В течение нескольких дней он ковал, собирал и раскрашивал, создавая сложнейшие часовые механизмы, в то время как пресс для микрочипов штамповал небольшие кремниевые пластины, словно ряды пряничных человечков.

Он вернулся к макету и загнал все поезда на сортировочную станцию. Он собрал пассажиров, в то время как те толпились на платформах, и осторожно сложил их в большую шляпную коробку. Затем он наклонился к главному терминалу главного пути и начал разбирать дорогу. За несколько минут все железнодорожные насыпи опустели. Осталось только главная сортировочная станция. Потом он осторожно разобрал мосты, превращая их в груду балок, оставив целыми только станции.

После он вышел из комнаты, не обращая внимания на неуклюжие тычки и шарканье, доносившиеся из шляпной коробки. Через пару часов он вернулся, толкая перед собой тачку, наполненную землёй, только что взятой в одном из сельскохозяйственных угодий ТАРДИС, и приступил к исполнению следующей задачи.

Выкладывая мастерком грунт, он стал формировать ландшафт. К тому моменту, когда он начал покрывать горы, он с радостью заметил, что крошечные ростки уже начали пробиваться в низине. Эти проданные ему чудодейственные Каптейнианские микро-семена в итоге оказались выгодным приобретением — совсем скоро вся местность будет покрыта тонким травяным ковром.

На мгновение он отступил назад, любуясь своей работой. Затем он вновь вылетел из комнаты, чтобы вернуться с другой трясущейся и шуршащей коробкой под мышкой.

Он открыл эту коробку и позволил заводным человечкам выйти. Новая партия людей была раскрашена под рабочих: игрушечные солдатики с лопатами и скребками группировались в конце путей на краю сортировочной станции. Двое мужчин во главе установили миниатюрные землемерные штативы и быстро провели серию визирования в направлении терминала главного пути. Другие маленькие человечки стояли неподвижно, крошечные позитронные

процессоры в их литых головах бесшумно получали информацию из общей беспроводной сети.

Доктор вдруг понял, что он не дышал всё это время. Затем, как будто что-то переключили, группа распалась. Многие из них спешили к участку земли рядом с началом путей и начали перекапывать и разглаживать грунт. Полдюжины других залезли на кучу рельсов и начали разбирать её, опуская на землю и перенося их своими отрывистыми заводными шажками к началу путей. Они устанавливали их на место и возвращались за следующей партией, в то время как другая команда деловито расчищала путь вперед.

Доктор с благоговением наблюдал за ними.

Он увлечённо смотрел, как они достигли терминала главного пути, как землемеры провели новую партию визирования, а рабочая группа разделилась. Одна часть направилась к старому главному пути, когда другая свернула на новую дорогу к горам. Работники, которые терпеливо ждали у сортировочной станции, поспешили присоединиться к группам, неся наборы стрелочных переводов². От Доктора происходящее никак не зависело; его лицо расплылось в широкой улыбке.

Он оторвался от созерцания группы и позволил своим рукам порхать над поездами на сортировочной станции. С какого начать? Он забрал из сортировочной станции один локомотив, копию Командора Вандербильта от Нью-Йоркской центральной железной дороги³, и убежал с ним из комнаты.

² Прим. перев.: устройство соединения путей, предназначенное для перевода подвижного состава с одного пути на другой.

³ Прим. перев.: поезд, созданный компанией Нью-Йоркской центральной железной дороги в 1930 годы.

Когда несколько часов спустя он вернулся, локомотив снаружи не изменился. Он тщательно спрятал все дополнительные провода и схемы управления. В депо он заменил двигатель и не удержавшись, помахал дюймовой фигурке, сидящей в кабине локомотива. Кроме бело-голубой инженерной фуражки, на светловолосом молодом механическом человечке было надето что-то похожее на эдвардианский крикетный костюм.

За следующие два дня он сделал подобные изменения в остальных локомотивах. Наконец, он переделал последний — дрезину Микки Мауса — поставил её на пути и отошёл подальше, чтобы рассмотреть макет. Поразительно — в то время как он работал, строители соединили все станции непрерывной паутиной сверкающих на свету рельсов. Часть путей шла там же, где и была раньше, но другие шли там, где он даже не мог вообразить. Они проложили путь на вершину горы и сделали развязку на реке с четырьмя мостами их собственной конструкции. Они даже начали работу над вторичным путём от края стола и старательно строили подвесной мост до ближайшей книжной полки.

Итак, всё было готово.

Он удивлённо посмотрел вниз — шляпная коробка была не там, где он её оставил. Потом он понял, что это броуновское движение постоянно натыкающихся на стены коробки пассажиров привело к тому, что коробка медленно перемещалась. Он поймал её, поднял и высыпал заждавшихся пассажиров на платформу главного пути. Они потихоньку вставали на ноги и формировали аккуратные очереди.

Доктор сел на своё место и провернул до упора переключатель главного трансформатора. Человечек,

управлявший Метролайнером⁴, проверил системные сигналы и с шумом и грохотом вывел свой поезд на главный путь.

Доктор едва шевелился и почти не моргал следующие три часа. Ему потребовалось много времени, чтобы заметить удивительный сложный ритм заводных человечков. Поезда сходились, обгоняли и избегали друг друга частично благодаря тщательному планирования и частично благодаря быстрым рефлексам и удаче. Поезд мог бесцельно спускаться с гор к побережью, как блуждающая мысль или вспышка света, с Центрального вокзала к деревенскому полустанку, буквально за 30 секунд. Поезда двигались прекрасно — следовали сигналам, сходили с путей, когда один из них спешил, а каждые 10 минут вдоль Линии Книжной полки ехал экспресс к новому депо, сделанному из «Войны и мира». Доктор прикрыл глаза и слушал стук колёс, перекрывающий мягкий гул ТАРДИС.

Наконец он принял управление над Нью-Йоркским пригородным поездом 1920-х годов и отправил его петлять по макету, поезд вилял и кружился вокруг него. Он широко улыбался как шестилетний мальчишка, каким был столетия назад. Волны движения, которые окружали его, были поразительны, а детали каждого фрагмента его перемещения просто завораживающими.

Доктор осмотрел модель железной дороги и увидел, что это хорошо. Он создал её, запустил и она стала чем-то большим, что он мог бы сделать сам. «Я думал, я смогу, — хихикнул Доктор, — я думал, я смогу, я думал, я смогу». Затем одно повлекло за собой другое, как всегда и происходит, и через некоторое время Доктор вышел. Всего лишь небольшое приключение снаружи ТАРДИС, шанс побродить по миру

⁴ Прим. перев.: Высокоскоростной поезд компании «Амтрак».

большему, чем он. Когда он позволил волнам мирового движения прекратить омыwać его, он вернулся в свой кабинет.

Увиденное потрясло его.

Двигатели и поезда валялись на рельсах, в реке, в куче между макетом и книжной полкой. Одинокiй землекоп бродил кругами, бессмысленно поднимая и опуская кирку, а там, где раньше была его голова, сверкали искры. Паровоз Рэймонда Лоуи⁵ каким-то образом врезался в гору из папье-маше. Он смотрел, как последний уцелевший поезд, маленькая ручная дрезина Микки Мауса, подъехал к месту, где однажды стоял южный мост, и со всплеском упал в реку.

Доктор рухнул на стул, стоявший перед макетом. Как это могло случиться? Несколько одиноких, застигнутых врасплох пассажиров, все ещё стояло на уцелевших платформах. О боги, они даже не понимали, что произошло. Он медленно покачивал головой, раскрыв от удивления рот.

Насколько он мог вспомнить, это началось, когда группа пассажиров, нетерпеливо ожидавшая поезда, отправилась пешком через сельскую местность. Один из них был сбит экспрессом Объединённой тихоокеанской железной дороги и попал между колёс, вызвав эффектное крушение, которое вывело из строя весь главный путь. Работники доблестно бились, чтобы передвинуть опрокинутые поезда, которые весили в сотни раз больше, чем они, эта задержка стала причиной, по которой пассажиры покинули платформы. Другая группа пассажиров подобрала инструменты и бездумно начала прокладывать путь, будто наличие отсоединённого участка рельс заставит появиться на нем поезд. Они проложили путь прямо к своему месту назначения, без оглядки на остальные железнодорожные пути. Когда они проложили новые пути прямо через Северный Отрог Горной Линии,

⁵ Прим. перев.: Мастер промышленного дизайна. Разработал кучу разных вещей, в том числе и паровозы.

последующая катастрофа стала неизбежной. С двумя нерабочими линиями и запаздывающими поездами, структура соглашения и компромисса, которая соединяла систему, начала распадаться — одни инженеры посокращали других, а третьи взрывали моторы, пытаясь прийти вовремя. Паровоз Рэймонда Лоуи подпрыгнул на повороте и врезался в маленький сельский полустанок, снеся укрытие из пробкового дерева и сминая пассажиров колёсами. Нью-Йоркский пригородный поезд, не сумев затормозить вовремя, врезался в состав грузового поезда на стрелочном переводе. Два локомотива оказались на мосту Линии Книжной полки, и он рухнул под их весом. Гражданские конструкторские банды продолжали прокладывать свой путь, пока не достигли реки, а затем беспечно шагнули в неё и были унесены течением. Всего через несколько минут Командор Вандербильт и Метролайнер столкнулись лоб в лоб на южном мосту и разрушили его целиком.

Доктор сидел перед макетом, положив голову на руки. Ему следовало знать. Ты должен следить за такими вещами. Ты не можешь позволить им выйти из-под контроля. Ему следовало знать. Если ты позволишь им развиваться самим по себе, то они обязательно разрушат все вокруг себя. Посмотрите, что случилось с железной дорогой. Ему следовало знать. Он знал, когда впервые строил макет, но тогда он был намного старше. Вообще-то, он не хотел быть снова таким старым.

Он поднял безголового землекопа и, милосердно нажав большим и указательным пальцами, отключил его. Ты не можешь починить людей, вспомнил он голос. Он потратил так много времени, пытаясь сделать это — уберечь их маленькие мирки от падения в хаос, когда они не знали, как управиться с собой. Помогая им научиться собирать себя воедино. Но как-то вся его работа делала их зависимыми от него все больше и больше, делала все более и более невозможным для них

продолжать без него. Дорога, на которой он был, всегда приводила его в одно и то же место. Это никогда не менялось.

Затем он заметил рабочую команду. Они кучковались у того места, где стоял мост к книжной полке. Они раскатывали катушку ниток, которую нашли где-то на краю стола.

Он перегнулся через стол, чтобы глянуть за край. На конце нитки они спускали мужчину. Доктор смотрел, как мужчина очутился на полу, подошёл к остаткам рухнувшего моста и поднял балку. Рабочий положил балку на макет, и другие опустили его за следующей.

Рядом с ними уже возвышалась груда найденных балок. Другие рабочие уже волокли их на площадку, надо было отстроить мост заново. Пара геодезистов, выполняя свою работу, двигались к остаткам моста через реку.

Доктор долго за ними наблюдал. Затем он опустился на пол, чтобы помочь им. Он начал поднимать остатки моста, но остановился. Оставим это им. Вместо этого он помог им с поездами. Кто знает, если дать им достаточно времени, то они смогли бы найти способ самостоятельно передвинуть поезда, но с другой стороны он мог бы помочь им ускорить этот процесс. Он пожал плечами, улыбнулся и начал устанавливать поезда обратно на рельсы. Вскоре он снова уйдёт на какое-то время, и чем дольше его не будет, тем лучше будет для них.

Никогда не знаешь, чему они могут научиться за это время.

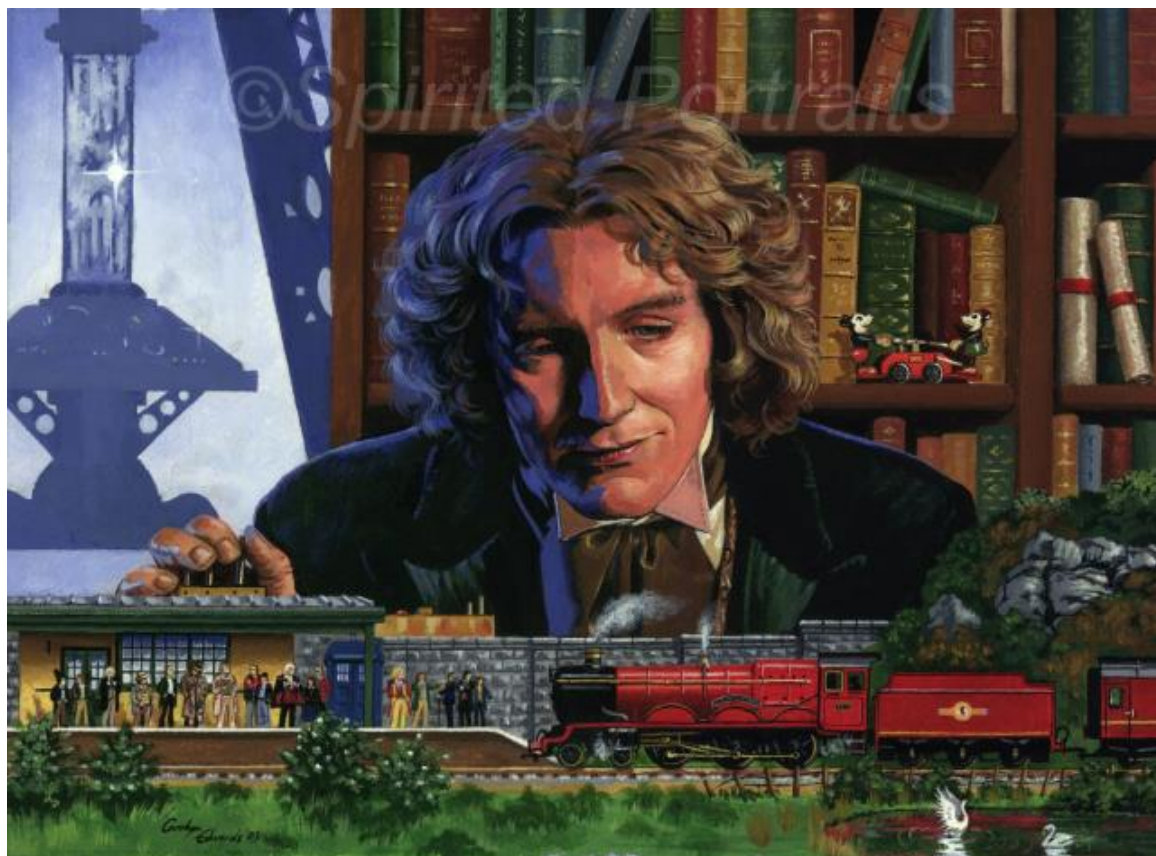

Иллюстрация Carolyn Edwards.

Былая страсть

Пол Марс

Перевёл ssv310

I

Сколько раз Сара ни заходила навестить поправляющегося Доктора, каждый раз она находила его разлёгшимся на диване, читающим Джона Донна. При этом он слабым движением руки махал ей и говорил: «Я же чуть не утонул!», пока это не стало своего рода их шуткой.

Пастор Адамс — худой, сутулый, сидящий мужчина, который спас Доктора в лесу три дня назад — с серьёзным видом советовал Саре дать ему отдохнуть. «Бедняга прошёл через ужасное испытание. У меня у самого кошмары о том, как я проваливаюсь под лёд», — при этих словах он вздрогнул. Сара до сих пор поражалась, что он смог вытащить Доктора из чёрного озера.

В ту ночь пастор появился верхом на вороном коне, выпрыгнул из седла, сумел схватить Доктора за конец его длинного шарфа и вытащить на берег. Доктор тут же погрузился в один из своих глубоких снов, и его спасителю вместе с Сарой пришлось волочить его в коттедж.

Старик был явно рад компании. Он поставил в их комнатах срезанные в саду фрезии. Сара была рада этому отдыху, но считала Доктора симулянтом.

— Кто, я? — возмущался он.

— Может быть, это научит тебя не бросаться вперёд очертя голову, — сказала она, и он нахмурился, снова закрыв лицо томиком Донна.

Улыбаясь, Сара вышла подышать морозным воздухом.

Не то что бы Сара возражала, но последние их путешествия казались ей гораздо более случайными. Не было ни плана, ни цели, ни проверки того, что местность, в которую они выходили, была безопасна. Старый Доктор был рассудительный; он бросался в опасность не глядя лишь тогда, когда не было другого выхода. А сейчас он приземлял ТАРДИС непонятно где и, даже не посмотрев на консоли хотя бы краткое описание новой окружающей среды, выбегал за двери и окунался в гущу событий.

Взять, к примеру, ночь, когда он чуть не утонул. Они неожиданно где-то приземлились, и она глазом не успела моргнуть, как он уже обмотался своим нелепым шарфом — три раза вокруг шеи, дважды под руками — нахлобучил на голову шляпу и вышел. Вышел, как показалось Саре, в ночной зимний лес.

Она вздохнула. По искусственному времени ТАРДИС, времени, к которому ей приходилось привязывать свой сон, чтобы не потерять рассудок, сейчас была полночь. Сейчас она была слишком уставшая для приключений. Но Доктор был неутомим. Стоя на пороге странного интерфейса между внутренним пространством корабля и его тёмной оболочкой в виде полицейской будки, она застегнула пуховик. Она ждала привычного крика Доктора.

— Иди сюда, взгляни на это! — проревел он, и она знала, что он просто пытается её заинтересовать.

Оказалось, что они действительно в лесу, в лощине, засыпанной метровым слоем снега. Вокруг росли огромные деревья, обрамлявшие небольшой круг неба над головой. Это было похоже на зимы в очень отдалённом прошлом, когда снег

был настоящим снегом, а звёзды были настоящими звёздами. И был мороз. Она увидела, что укутанная, бесформенная фигура Доктора в бордовом пальто и длинном шарфе склонилась над пятном травы и чёрной, обнажённой земли.

— Следы, — сказал он, не оборачиваясь. — Что ты о них скажешь?

Сара скривилась:

— О, только не следы. Я ненавижу, когда ты вытаскиваешь нас посреди ночи охотиться на монстров. Я согласна на любую другую ночь. Но сегодня я думала...

Она посмотрела на синие углубления в снегу и послушно спросила, что это такое. Но Доктор в очередной раз изображал таинственность. Это было нечестно. Она смотрела, как он прошёл на несколько шагов во мрак.

— Эти следы, — сказал он, — принадлежат существу, которое ты могла бы назвать большой кошкой.

— О, — сказала Сара. Порыв ветра заставил дрожать каждую веточку. — Всего лишь большая кошка.

— Я не имел в виду чьего-нибудь перекормленного питомца, — резко сказал он. — Это очень большая кошка, — он засунул руки в карманы. — Кем бы она ни была, ей тут не место.

Сара почувствовала, что у неё на шее каждый волосок стал дыбом. Она бы не удивилась, если бы сейчас перед ними часть за частью материализовалась улыбающаяся голова Чеширского Кота, кончиком извивающегося хвоста манящая их в лес. Затем Доктор пошёл дальше, хрустя сапогами по мёрзлым упавшим веткам и приминая снег.

— Эй, погоди! — крикнула она ему.

Он что-то почуял. Вот так всегда: он становился неистовым и мчался в какую-то катастрофу.

Они шли около десяти минут, в полной темноте, если не считать инея на деревьях. Она начала постепенно отключаться

от холодного внешнего мира, как вдруг Доктор обернулся к ней и закричал:

— Не подходи ближе!

И по разделяющей их белизне прошла трещина. Он скользнул в чёрную воду. Он погружался с яростным криком и почти без брызг.

На мгновение она оцепенела. Она пошла искать ветку или ещё что-нибудь, что можно было бросить ему. Но она не знала, куда можно стать, боялась сдвинуться, к тому же его не было видно.

— Доктор?!

Сколько раз она уже считала его погибшим? Казалось, что где бы они ни приземлились, она в итоге считала, что его песенка спета. Как будто у него жизней больше, чем у кота. Ну конечно же, у него было больше жизней, чем у кота.

А затем он всплыл, разбрызгивая ледяную воду. Из-за обёрнутых вокруг него нескольких метров шарфа казалось, что на него напала какая-то нелепая разноцветная каракатица. Шарф был единственным разноцветным предметом в темноте ночи. Сара впервые видела Доктора таким отчаявшимся, он пытался зацепиться хоть за какую-нибудь льдинку.

И в этот момент прискакал на лошади пастор Адамс, достаточно рано, чтобы спасти Доктору шкуру, но достаточно поздно, чтобы Доктору понадобилось несколько дней постельного режима и наслаждения их заботой.

— Хочу вас предупредить, — грустно говорила Сара в ночь спасения, сидя в строгой, но довольно уютной гостиной пастора. — Доктор не привык к тому, что его спасают. Возможно, вы не дождётесь от него благодарности.

Пастор улыбнулся и подал ей чай:

— Ничего страшного, мисс Смит. Моя работа приучила меня спасать души, которые зачастую предпочли бы, чтобы их не спасали.

Он растопил камин в комнате, которую готовил для неё, и одолжил одежду, когда-то принадлежавшую его дочери. Увидев её полукомбинезон, он лишь повёл бровью. Затем Сара проспала двенадцать часов, а спустившись вниз узнала, что Доктор простыл.

Во время той утренней прогулки Сара пыталась осмотреться, получить представление об окружающей местности. Всё вокруг было закутано белым, чёрные деревья на фоне полей выглядели восклицательными знаками. Должно быть, ночью они прошли довольно много. Она поняла, что не смогла бы найти ТАРДИС сама.

Когда она медленно прохаживалась по дороге, подошёл пастор, нёсший из деревни полную корзину продуктов.

— Люблю сам ходить за провизией, — объяснил он. — Так я могу быть в курсе того, чем живут люди.

В его глазах блеснул задорный огонёк.

— И у меня есть новости, мисс Смит, — улыбнулся он. — Нас пригласили!

Из внутреннего кармана своего чёрного сюртука он вынул толстую квадратную карточку, перевязанную голубой ленточкой.

— Пригласили?

— На бал у леди Хантингтон. Это ежегодное событие. Меня обычно туда приглашают, но с тех пор как со мной нет моей дочери, меня не привлекала идея идти в этот роскошный дом и танцевать. Но теперь у меня есть гости! — он повернулся к ней и улыбнулся. — Завтра вечером. Как вы считаете, Доктор согласится пойти? Он, похоже, поправляется.

Сара радостно пожала плечами:

— Это нужно спросить у него. А кто такая леди Хантингтон?

— Это на её обширных и, честно говоря, заросших землях я наткнулся на вас в ту ночь. Она владелица довольно

красивого особняка, который расположен посреди этих неводеланных гектаров.

Она уловила в его словах неодобрение.

— Судя по вашему голосу, вам она не нравится.

На мгновение в глазах старика мелькнула вина.

— Прости меня Господи, но леди Хантингтон не самый приятный человек. Раз в год она распаивает двери своего особняка, и делает это для того, чтобы найти мужа для своей внучки. Очаровательной молчаливой Беллы. А сама леди Хантингтон при этом сидит в конце зала словно чёрный паук на золотом троне.

Сара вздрогнула:

— И это туда вы меня приглашаете?!

— Боюсь, что да.

Они свернули за угол, и им стал виден небольшой, крытый соломой коттедж пастора. Над трубой лениво поднимался голубой дым.

— Я смотрю, Доктор сам разжёт камин. Должно быть, ему уже лучше.

Когда Сара и пастор Адамс зашли в дом, Доктор и в самом деле снова был самим собой, он сидел у камина и натягивал на ноги разогретые сапоги.

— Вот вы где! — он широко улыбнулся и похлопал руками по карманам. — Ах, да, — он вручил пастору его томик Донна.

Пастор не хотел брать книгу и заставил Доктора оставить её себе.

— Вы очень добры, — сказал Доктор. — Большое вам спасибо за то, что вы нам помогли, но теперь нам с Сарой пора уходить, — он посмотрел на Сару: — Где мы оставили ТАРДИС?

Пастор расстроился:

— А вам обязательно именно сегодня уезжать?

— Обязательно, — сказал Доктор. Он прошёл мимо них в прихожую и осмотрел себя в зеркало. — Что-то я засиделся на одном месте. Пойдём, Сара! — и он вышел за дверь.

— Но как же бал? — заикаясь, спросил пастор Адамс, идя за ними следом.

— Я попробую переубедить его, — неуверенно сказала Сара. — Поговорю с ним. Хотела бы я сказать, что обычно он ведёт себя учтивее, но это было бы неправдой.

Сказав это, она пошла по дороге за Доктором. По пути она отчитывала его за его дурные манеры.

— Люди вечно обеспокоены манерами, — вздохнул он, ломясь сквозь лес. — Уже недалеко!

— Этому бедному мужчине одиноко, — сказала она. — И подумай только, настоящий бал восемнадцатого века, высшее общество!

Он задумался.

— Мне кажется, что нам лучше не задерживаться. Меня нельзя назвать светским львом.

Она презрительно фыркнула. А затем он что-то услышал:

— Что это?

Сара застонала:

— Что, опять твои большие кошки?

У него было удивлённое лицо:

— Это двигатель!

Повернувшись на звук, они увидели, как среди голых чёрных деревьев возник массивный красный двухэтажный автобус. Он с трудом ехал по неровной земле.

— Он едет не по дороге! — сказал Доктор.

— Не по дороге? — поразилась Сара. — Он едет на двести лет раньше!

Они смотрели, как автобус пробирается по лесу прочь от них, словно какой-то редкий сказочный зверь.

— Ну, что тут скажешь, — сказал Доктор. — Ты бы удивилась, узнав, как много всего находится не в своём времени.

— Правда?

— Слушай, — сказал он. — Я немного подумал. Может быть, нам всё-таки сходить на этот бал и пообщаться с местными? Думаю, тебе не помешает светский выход.

Сара уныло улыбнулась:

— У меня что, это на лице написано?

— И мне тоже не помешает немного развеяться. Давай найдём ТАРДИС и подберём тебе подходящее... хм, платье. Что скажешь?

Они побрели через лес, и скоро увидели родную синюю ТАРДИС.

II

Он снова моргнул. Сомнений быть не могло. Это точно была она.

Доктор видел её довольно чётко: на другом конце зала, за шорохом платьев, за лесом танцующих тел. Она откинулась на спинку дивана и наблюдала за довольно энергичным танцем. Из-за своего возраста она не танцевала, а лишь заинтересованно наблюдала за всеми. Её крупное, лишённое изящества тело было одето в модное бледно-оливковое платье. Её ноги, которые она ему когда-то описывала как свою «самую лучшую черту», свисали с мягкого бархата дивана, обутые в крохотные тапочки, украшенные драгоценными камнями.

Раскрасневшиеся дамы и господа скакали от одного партнёра к другому. Из-за них Доктору было непросто пробраться на другой конец зала. Он шаркал и даже немного проскользил по натёртому до блеска полу.

Наконец, он добрался до неё. Она делала вид, что не видит его, пока он не сказал:

— Айрис?

— Доктор, — улыбнулась она, посмотрев на него. Она протянула ему для поцелуя руку в ослепительно белой перчатке. — Я слышала, что ты где-то рядом.

— Да что ты? — спросил он. — Не знал, что место моего пребывания так широко известно.

Она покачала головой:

— Эх, ты. Тебе всегда нравилось быть немного загадочным. Старый глупышка.

Кто-то из танцевавших рядом зацепил его шарф. Он недовольно потянул шарф к себе.

— Было бы лучше, если бы я знал, что ты тут! — грубо сказал он.

— О, не сердись на меня, — рассмеялась она и расправила страусиные перья на своём головном уборе. — Как я выгляжу? Здесь и сейчас я известна как леди Айрис Уайлдтайм. Правда, чудесно? В восемнадцатом веке я довольно большая шишка, у меня есть немного земли и красивый дом на севере.

Доктор закатил глаза:

— Ты решила занять на этой планете дом в каждом столетии, не так ли?

— Ты же меня знаешь. Я не люблю оставаться на одном месте. Не правда ли, это замечательный бал?

Она посмотрела на потолок, белый с позолотой. Вдоль всех сторон зала проходили галереи, на них вели лестницы; галереи были заполнены шикарно одетой публикой. В конце зала на кресле с высокой спинкой сидела хозяйка, леди Хантингтон. Нагруженная гагатовыми ожерельями и рубинами, старая женщина терялась в своём огромном чёрном платье. Похоже, она заснула на собственной вечеринке.

— Говорят, что хозяйка имения спятила! — поведала Айрис. — Правда, здорово?

Внезапно на лице Доктора появилась обезоруживающая улыбка:

— Приятно было снова увидеть тебя, Айрис, — сказал он, схватил её пухлую руку и коротко пожал её. Он уже и забыл, как ему нравилась её компания. В прошлом их пути пересекались лишь несколько раз, и ни разу это не было скучно. — Я так полагаю, что твоё присутствие здесь вызовет какую-то неразбериху?

— Фи! — кокетливо рассмеялась она. — Я понятия не имею, о чём ты говоришь.

— Хм? — он посмотрел на неё, выпучив глаза, чтобы она рассмеялась.

— А ты что-то не по моде оделся, — сказала Айрис, осмотрев его с ног до головы.

На Докторе была одежда, в которой он обычно расхаживал по болотам и пустыням. На шее у него был оранжевый галстук, на неряшливом жилете в мелкую клетку не хватало половины пуговиц.

— Мне некогда было наряжаться, — возразил Доктор. — Кроме того, мне нравится думать, что я буду своим где угодно.

Айрис громко рассмеялась:

— О да. Это правда, — весело сказала она, наклонившись к столику, чтобы налить себе бренди. Она обернула бокал руками. — С кем ты тут?

— Сара где-то тут рядом, — он нахмурился, всматриваясь в танцующие пары. — С ней какой-то военный разговаривал. Я сказал ей, чтобы она не рассчитывала на длительные отношения с ним; глазом не моргнёшь — а он на какую-нибудь войну уедет!

— Сара... — задумчиво сказала Айрис. — Это, случайно, не та, с которой я не поладила?

— Нет, нет, — сказал он. — Сара Джейн тебе понравится. Чем-то она на тебя похожа. Любит во всё вмешиваться. Сара!

Сара появилась между горшков с пальмами, тяжело дыша после танца. Она была в фиолетовом бальном платье с объёмной юбкой. Чуть раньше, когда они только прибыли на бал, она уже обнаружила, что это платье из девятнадцатого, а не восемнадцатого века. Она выругала Доктора и беспорядочную гардеробную ТАРДИС. Задача правильного подбора одежды никогда редко выполнялась безупречно. Она не могла забыть про то, как ей пришлось бегать по морозному мрачному миру эксилонов одетой в эдвардианский купальник, с пляжным мячом в руках.

— Ну что, хорошо проводишь время? — широко улыбнулся он Саре. — Кто твой молодой человек?

— О, — Сара обернулась и увидела, что позади неё стоит молодой человек в красном капитанском мундире. — Это капитан Тёрнер.

— Сара, ты краснеешь, — прошептал Доктор, нагнувшись мимо неё, чтобы пожать капитану руку. — Приятно с вами познакомиться, — сказал он с широкой улыбкой.

Капитан Тёрнер провёл рукой по своим роскошным бакенбардам:

— А вы, должно быть, дядя Сары Джейн.

— Дядя? — нахмурился Доктор.

— Я Айрис Уайлдтайм, — донёсся голос со стороны мягкого пурпурного дивана. Сара посмотрела вниз. — Раз уж никто не собирается нас знакомить, дорогая, лучше я представлюсь сама. Я былая страсть Доктора.

Сара нерешительно пожала женщине руку.

— Былая страсть? — она посмотрела на Доктора, думая: «Ах ты ж, серая лошадка!»

Теперь была его очередь краснеть.

— Мне кажется, что «былая страсть» — некоторое преувеличение, Айрис.

— Вот уж нет, — сказала она, вынула откуда-то, как фокусница, бледно розовый веер и начала быстро себя обмахивать. — Я долгие годы была влюблена в тебя, дурак!

Сара посмотрела на Доктора и вопросительно подняла брови. А затем капитан Тёрнер увёл её на следующий танец, к счастью, более спокойный.

Айрис надменно сказала:

— Доктор, дорогой, ты мне вид загораживаешь.

Он сказал:

— Ты что-то затеяла, Айрис. Я чувствую это. Что бы это ни было, я выясню.

А затем он ушёл, чтобы поговорить с хозяйкой дома.

Прищурившись, Айрис смотрела поверх веера ему вслед.

— Вы танцуете так же плохо, как и я! — засмеялась Сара, когда они двинулись не в ту сторону.

Капитан Тёрнер покраснел и ускорил шаг, ведя её обратно в танец. Сара готова была поклясться, что он отсчитывает про себя такты; впрочем, возможно, он ругался. Мимо них проносились улыбающиеся лица, и Сара поражалась им. Казалось, что все эти ужасные па для них просто ерунда. Как будто бы они родились, уже зная все эти танцы. У некоторых пар вполне хватало внимания на то, что бы одновременно беседовать. Иногда звучал вежливый смех. Как им это удавалось? Сара боялась, что её партнёр уронит её на пол, или на колонну, или в камин. Лицо у него было ярко-красное и сосредоточенное. Она сказала:

— Если со мной так тяжело танцевать, зачем вы пригласили меня во второй раз?

Капитан Тёрнер посмотрел на неё, и она поразилась тому, как молодо он выглядит. Ей захотелось дёрнуть его за усы, чтобы проверить, не отклеятся ли они.

— Мне была невыносима мысль о том, что вы весь вечер протанцуете с тем старым священником, — сказал он. — Это было бы несправедливо.

Она улыбнулась, мысленно посочувствовав пастору Адамсу. Она видела его: он наблюдал за танцами с балкона. Похоже, его оттуда не выпускала одна надоедливая женщина из его прихода. Он нерешительно помахал Саре рукой.

— Вы пытаетесь меня очаровать, капитан Тёрнер?

— Не более, чем этот неуклюжий бабник на галерее.

Танцую дальше, Сара подумала: бабник? Кажется, в восемнадцатом веке так не говорили. Она решила проверить:

— Это ведь 1764 год, да? Я не перепутала?

— О да, — сказал он. — Мы точно в 1764-ом... — он резко захлопнул рот.

Они перестали танцевать, остановились посреди зала.

— Я решила проверить, — сказала Сара. — Любой ведь может ошибиться, верно?

— Да, — сказал капитан Тёрнер, уверенный, что уже выдал себя.

Сара снова взяла его за руки, и в этот раз вела она, они двигались в обратную сторону. Теперь у них уже лучше получалось, потому что она наблюдала за другими. Она вспомнила о своём первом путешествии в ТАРДИС. Тогда она пробралась на борт без спроса, спряталась, а Доктор направил корабль в Средневековье. Оказавшись в мрачном опасном замке, где было полно грубиянов, Сара поначалу была уверена, что стала жертвой розыгрыша какого-то очень одарённого исторического общества. Она улыбнулась, вспоминая об этом, и подумала, что у капитана Тёрнера сейчас такой же тусклый, удивлённый взгляд, как и у всех начинающих путешественников во времени. Она уже научилась узнавать этот взгляд, чувствовала себе уже опытной путешественницей.

Он был расстроен:

— Как вы догадались что я... сместился во времени?

Она вдруг поняла, что они стоят, продолжая обнимать друг друга, как в танце.

— Кажется, у вас коммуникатор где-то пищит.

— Хм? — он резко отпустил её и спрятался за горшки с пальмами.

Сара с улыбкой наблюдала, как он достал своё устройство и снизил его громкость.

— Я не могу сейчас говорить, — прошипел он и спрятал устройство.

Она спросила его:

— Как вы сюда попали?

Он кивнул в направлении дальнего конца комнаты, где они оставили разлёгшуюся Айрис Уайлдтайм.

— С ней. С женщиной, с которой вы там познакомились. У неё есть... средство перемещения. Я, так сказать, её спутник.

Сара кивнула:

— Можете мне не рассказывать. Вы путешествуете во времени и пространстве, исследуете новое и попадаете в ужасные приключения.

— Что-то в таком духе. А как вы...

Она пожала плечами:

— Просто догадалась, — она посмотрела на него с серьёзным видом. — Так это Айрис вас на это подбила?

Он кивнул.

— И чем вы тут занимаетесь?

— Я не могу вам сказать об этом, Сара. Айрис с меня шкуру спустит.

В этот момент музыка завершилась, и все пары разошлись. Они вежливо поаплодировали друг другу, и начали расходиться. Наблюдая за ними, Сара пожалела, что у неё нет таких же красивых длинных белых перчаток, как у остальных женщин. А ещё она подумала, что нужно найти Доктора и рассказать ему о похожих путешественниках.

Пожилая леди Хантингтон сидела на золочёном стуле, стоявшем на своего рода возвышении. Гости вились вокруг неё и, повышая голос, чтобы их было слышно на фоне музыки, говорили о том, какая это замечательная вечеринка.

Подходя к ней, Доктор обратил внимание, что все мужчины были обуты в очень чёрные, очень блестящие кожаные туфли. Он угрюмо взглянул на свои старые, грязные сапоги. Айрис была права. Он уже не пытался наряжаться ради таких приёмов. Было время, когда ему ничто так не нравилось, как разгуливать в рубахе с рюшами и в пурпурных, алых, ультрамариновых смокингах. Даже в галстуках!

Но в последнее время у него никогда не находилось время на наряды. Он всё время куда-то мчался. Ещё на что-то посмотреть, ещё кого-то спасти. Могу я немного расслабиться? — думал он.

Он подошёл, чтобы поблагодарить леди Хантингтон за приглашение на её гулянку, запрыгнул на деревянную платформу и склонился над хозяйкой. Стоявшие рядом гости ахнули. Доктор подумал, что ей тут, наверху, должно быть очень одиноко.

— Здравствуйте, — сказал он. — Я Доктор. А вы, должно быть, леди Хантингтон.

Её руки лежали на худых коленях. Они были почти бесплотные, покрытые пигментными пятнами. Кожа на её лице тоже выглядела как хрупкая, пожелтевшая от времени бумага. В такт её медленному, тяжёлому дыханию свет играл на её алых и чёрных драгоценных камнях. Она игнорировала Доктора и с выражением полного презрения на лице смотрела в центр зала.

— Моя бабушка устала, — сказал тихий, заикающийся голос. — Этот день был для неё очень утомительным.

Подняв удивлённый взгляд, Доктор увидел девушку лет семнадцати, стоявшую, учтиво сложив руки, рядом с пожилой женщиной. Если бы не её скромное, но в то же время явно

дорогое платье, её можно было бы принять за служанку. Волосы у неё были длинные и бесцветные, лицо почти безучастное. Она как будто ни разу в жизни не смеялась, — грустно подумал Доктор.

— Ваша бабушка? — улыбнулся он. — В таком случае вы, должно быть...

— Белла, — сказала она, внезапно потупив взгляд.

— Приятно с вами познакомиться, — сказал он нарочитым шёпотом над головой старой леди. — Я просто решил подойти и поблагодарить за приглашение.

Белла позволила себе лёгкую улыбку:

— Очень любезно с вашей стороны, Доктор. Моя бабушка это оценит. Никому больше не пришло в голову поблагодарить её за гостеприимство.

— Да что вы? — нахмурился Доктор. — И они ещё называют это приличным обществом!

Он снова наклонился к сердитой старухе:

— Я говорю, спасибо, что пригласили меня! — он вдруг понял, что говорит с ней как с глухой. — Я люблю вечеринки! — он посмотрел на Беллу. — Она не обидится, если я приглашу её на танец?

Белла вдруг хихикнула, но тут же подавила смех.

— Леди Хантингтон не танцует, — сказала она. — Но может быть, вы потанцуете со мной, Доктор?

— С удовольствием, — улыбнулся Доктор.

— В этом и была ваша цель, Доктор? — внезапно спросила леди Хантингтон. От её сухого, хриплого голоса он вздрогнул. — Вы сюда подошли специально, чтобы кокетничать с моей внучкой?

— О, — сказал он. — Ещё раз здравствуйте! Хм, нет, я так не думаю. Я действительно хотел поблагодарить вас. Меня не часто приглашают на вечеринки. Не знаю почему. А потанцевать с вашей внучкой — случайный сюрприз, — он начал разматывать свой шарф. — Вы не могли бы присмотреть

за моим шарфом, пока мы танцуем? Если я его не сниму, он может стать причиной несчастного случая.

Он начал складывать шарф разноцветными кольцами на подиуме леди Хантингтон.

— Вы должны понимать мою заботу о благополучии моей внучки, — сказала старая леди.

Теперь её голос стал человечнее, уязвимее, и Доктор прислушался.

— Понимаете, она — всё, что у меня есть в этом мире. Естественно, я должна защищать её от плохих людей. А плохих людей много, не так ли?

Доктор с серьёзным видом кивнул:

— О да. Каких только плохих людей не встретишь.

— Моя внучка, боюсь, мало знакома с миром. Она почти никогда не покидала усадьбу Хантингтон.

— А, — сказал Доктор, — но если живёшь в такой красивой местности, то зачем куда-то ездить?

Судя по виду леди Хантингтон, ей понравились его слова.

— Вот именно: зачем?

— Затем, — вскрикнул он, и в его голубых глазах появился гипнотический блеск, — затем, что есть целый мир, в котором полно вещей, которые стоят того, чтобы на них посмотреть, вот зачем! Нельзя не пускать людей к этому! Нельзя держать людей в заточении! Это грех!

— Да что вы? — сказала леди Хантингтон с угрозой. — Вы не понимаете, Доктор, — она посмотрела на стоявшую рядом внучку, которая потупила взгляд и была готова расплакаться от стыда. — Я должна проследить, чтобы Белла встречалась с правильными людьми. Потому что именно Белла унаследует после моей смерти всё моё имущество. Всё будет в её руках, и я не... — её голос осип, — я не позволю ей потратить всё, что было моим, на какого-нибудь дурака!

Последнее слово она явно адресовала Доктору.

— Что же, — сказал он, пнув носком сапога конец шарфа.
— Меня можете не бояться. Я не собираюсь ни на ком жениться. Но я бы не отказался от одного танца.

Сказав это, он нагнулся, взял Беллу за её одетые в белые перчатки руки и снял её с платформы.

— Ваша бабушка всегда такая? — спросил он, отчаянно вспоминая выученные давным-давно, в другой жизни, танцы.

Белла вздохнула:

— Моя бабушка — человек необычный.

— А где ваши родители?

— Умерли, — сказала она без выражения. — Я их не знала. Я никого не знала, кроме бабушки.

Они двигались сквозь регламентированный танец как ураган. Доктор считал, что они танцуют довольно неплохо, но они сбивали остальные пары с курса и нарушали сложное движение танцующих по залу. Он подумал, не покружить ли её, просто для того, чтобы шокировать людей, но передумал.

Белла сказала:

— Для тех, кто её хорошо знает, бабушка — добрейший человек. Она всегда желала для меня только лучшего.

Доктор улыбнулся этому и хотел ответить, но в этот момент кто-то постучал по его плечу. Это была Сара.

— В этом танце дамы могут менять кавалеров, — сказала она, оттесняя от него девушку.

— Неправда, — сказал Доктор, но уже кружился с Сарой.

Беллу же тем временем пригласил капитан Тёрнер, они уже были в другой части зала.

— Бедняжка, — сказал Доктор. — Она боится своей старой бабушки. И не удивительно! Посмотри на лицо бабушки! словно пасмурный день на Метебилис 3!

Сара оборвала его:

— Слушай, у нас проблема. Капитан, с которым я танцевала. Он ненастоящий.

— Да, я так и думал.

— Нет, не думал.

— Да, думал.

— Почему ты так подумал? — иногда её просто бесила манера Доктора не признавать за ней возможность понять что-то первой. — Ну же, как ты догадался?

— Надетая на нём униформа слегка анахронична. Офицеры этого звания не будут так одеваться ещё лет двенадцать.

— Надо же! — сказала она. — Впечатляет.

Доктор пожал плечами:

— Так что ты о нём узнала?

— Он из другого времени. И его привезла сюда та старая женщина, маленькая толстушка, с которой ты разговаривал!

— Кто? — спросил он. — Айрис?

— Именно. Ты знаешь, что она путешествует во времени?

— Конечно, знаю! — вскрикнул он. — Мы с Айрис давно знакомы! Сотни лет.

Сара фыркнула:

— Именно столько я бы ей и дала.

Доктор пропустил это мимо ушей.

— Значит, ты думаешь, что они затеяли что-то нехорошее?

Она кивнула.

— Айрис не стала бы ввязываться ни в какую гадость, — задумчиво сказал Доктор.

— Не стала бы?

Он покачал головой, а затем посмотрел в другой конец комнаты. В толпе раскрылся промежуток, сквозь который было видно прилёгшую на диванчике Айрис. Она заворожённо смотрела на то, как танцевали капитан Тёрнер и Белла. Другие тоже смотрели на них, и вокруг молодой, неуклюже танцевавшей пары образовалось свободное пространство. Хорошо они вместе смотрятся, — подумал Доктор. Вот почему все на них смотрели. Но ещё они смотрели потому, что Белла

была наследницей этого имени. Разумеется, им было интересно, с кем она танцует. Он снова посмотрел на Айрис, и вдруг понял, что видит на её лице откровенную алчность.

III

Айрис на балу вела себя не лучшим образом. Она смешивала разные напитки, и около полуночи Доктору пришлось вести её домой. Сара и капитан Тёрнер пропали, он не знал где они. В мраморном зале усадьбы Хантингтон Айрис пьяным голосом хвасталась своим удавшимся сводничеством. Остальные гости смотрели на неё неодобрительно, и Доктор попытался помочь пожилой женщине встать.

— Айрис, где твой корабль? Я провожу тебя.

Они вышли на усыпанную гравием дорожку к дому.

— Я не знаю! — хохотала она. — О, где же я его припарковала? — она рылась в своей сумочке, то и дело роняя что-то. — Где-то у меня есть устройство для поиска. В виде губной помады. О, это и есть губная помада. Стоп! Я вспомнила! Он был прямо посреди леса! — и она весело пошла.

Когда они подошли к лесу, Айрис обернулась на особняк.

— Когда Тёрнер женится на Белле, всё это станет моим!

Она громко триумфально смеялась, а Доктор пытался её утихомирить.

— Похоже, я потерял Доктора, — сказал пастор Адамс посреди суеты завершающегося бала.

— Я тоже, — улыбнулась Сара. — Но я уверена, что он найдётся.

— Вы составите мне компанию на пути обратно? — спросил он.

— Пожалуй, я ещё немного тут задержусь. Мне нужно подышать свежим воздухом.

Пастор по-доброму улыбнулся ей:

— Хорошая идея. Я оставлю вам свою повозку, а сам пройду пешком. Доброй ночи, дорогая!

Она провела его взглядом. Может быть, он действительно старый бабник? Она покачала головой. Капитан Тёрнер заразил её своим цинизмом.

На пути обратно в дом она заметила мелькнувший между высокой стеклянной дверью и садом красный мундир фальшивого капитана. Белла вела его на покрытый снегом газон.

Пока они пробирались через дремучий лес, она предавалась одной из своих любимых забав — подначивала Доктора.

— Ах, а в те времена ты всегда знал, что нужно делать. Ты был щёголем и знал, как обращаться с дамами...

Он с недовольным видом ломился сквозь ветки.

— Но я был таким высокопарным! — вскрикнул он. — Такой уверенный в себе и в своей науке. В своём превосходящем галлифрейском ноу-хау. Я слишком много времени проводил с человеческими существами, а народ Земли такой падкий на показуху. Они просто обожают всё, что связано с путешествиями во времени и размерностной трансцендентностью.

Он остановился.

— А это не твоя ТАРДИС?

Это был старый с виду двухэтажный автобус, который он видел днём. Он был припаркован посреди леса.

Она с гордостью посмотрела на него, на висящий спереди знак, на котором говорилось, что он направляется в Патни Коммон.

— Мой дом вдали от дома, — сказала она и отперла его двери-гармошку, раскрывшиеся с гидравлическим шипением.

Она зашла вовнутрь, включила свет, и Доктор зашёл за ней.

Внутри он обнаружил просто переделанный лондонский автобус. Вместо рядов сидений были удобные кресла, лампы с абажурами с бахромой, картины, сувениры, викторианская ширма, статуэтка единорога.

— Что касается размерностной трансцендентности, то твоя ТАРДИС изнутри точно такого же размера, как и снаружи! — ахнул он.

Она уселась на диванчик.

— Я знаю! Правда, это экстравагантно?!

Он был вынужден признать, что внутри было довольно уютно. Кабину водителя она почти не изменила, лишь добавила маленькую версию консоли ТАРДИС. Он сел, а Айрис начала разливать напитки. С вершины её барного шкафа свалилась стопка желтеющих бумаг и металлический предмет размером и весом похожий на футбольный мяч. Доктор поймал его и осмотрел разрисованную неповторяющимся узором бронзовую поверхность.

— Это мне что-то напоминает...

Она подала ему херес:

— О, это просто...

— Это контейнер для сообщений повелителей времени! Они что, послали тебя выполнять за них грязную работу? — надпив херес, он продолжал смотреть на шар. — Я помню, как мне нужно было доставить такую же штуку на планету, где все мутировали из-за атмосферных экспериментов. И я хотел узнать, что они отправили в ней, именно это я имел в виду, когда говорил об уверенностях в своих познаниях в галлифрейской науке! Ты меня слушаешь, Айрис? Я при помощи обратителя частиц пытался посмотреть, что находится внутри сферы для сообщений. Я сказал, что могу поменять всё,

что угодно, находящееся снаружи шара, на то, что находится внутри. И мне ни разу не пришло тогда в голову, что снаружи бесконечность, а внутри — конечный объём. О нет, я просто собрал прибор и, разумеется, всё кончилось взрывом. А ведь, если подумать, если бы у меня тогда получилось, я мог засунуть в этот мяч всю известную вселенную! — он покачал головой. — Тогда я был таким самонадеянным. Лишь потому, что я что-то знал о ТАРДИС, об относительных измерениях и ТАРДИСовости, я думал, что могу сделать всё, что угодно.

Он одним глотком допил остатки хереса.

— Айрис?

И он увидел, что она крепко заснула, сидя на диванчике.

Сара шла за ними в сад. Мундир капитана Тёрнера краснел на фоне синевы снега, в которой он оставлял глубокий след, ведя Беллу. Кажется, он что-то тихо ей говорил. О чём-то ей щебечет на ушко, — с лёгкой ревностью подумала Сара.

Они обошли вокруг старого лабиринта из живой изгороди. Высокие изумрудные стены зловеще похрустывали. Сара сократила расстояние, чтобы слышать, о чём они говорят. Она успела как раз вовремя, чтобы услышать, как Тёрнер пошёл напролом — попросил у Беллы её руки. Она тихо рассмеялась, и тогда он попросил ещё раз, чтобы убедить её в своей серьёзности.

— Но я не могу, — шокировано сказала она. Затем она убежала, поскользнувшись на снегу в туфлях для танцев.

Сара спряталась, увидев Беллу, которая спотыкаясь бросилась в лабиринт. Девушка так невнимательно промчалась мимо, словно отчаянно пыталась скрыться; она углублялась в лабиринт, не обращая внимания куда сворачивает. Она пропала из виду, оставив после себя в снегу глубокую борозду. Сара весело слушала, как Тёрнер ругался, а затем он появился из-за угла, уныло повесив голову. Он посмотрел на прятавшуюся Сару.

— Я всё испортил, да?

Сара кивнула:

— Она заблудится в лабиринте, глупышка.

Они пошли за ней, спотыкаясь в сугробах, которые становились всё выше. Лабиринт был гораздо сложнее, чем ожидала Сара, скоро она начала переживать. Если застрять тут на всю ночь, можно замёрзнуть. Они нашли серебряные туфельки Беллы, их ремешки были разорваны.

— Золушка, — сказал Тёрнер, и Сара по его голосу поняла, что он тоже нервничает.

В центре лабиринта они никого не нашли. Следы подходили ко многим проходам, затем возвращались. Белла снова исчезла. А затем они нашли её платье, мягкое, сброшенное как змеиная кожа.

— Что это ещё за игры? — спросил Тёрнер, как будто Сара могла что-то объяснить.

Проснувшись, Доктор не понял, где он находится. Для него, часто приходившего в себя во мрачных подземельях, связанным кем-то или чем-то, в этом не было ничего необычного. В этот раз он очнулся в приятной обстановке и где-то в уголках сознания ощущал успокаивающее бормотание, означавшее, что он на борту ТАРДИС. На чужом корабле. Он заснул в плетёном кресле, а вон и Айрис: храпит на своём мягком диванчике. Всё ещё одетая в свой лучший наряд, из уголка рта вытекла струйка слюны.

Он встал и выглянул в окно автобуса, которое, по его мнению, не мешало бы помыть. Снаружи ждал лес. Бесконечные мили леса. Здесь казалось, что весь мир зарос лесом, и выхода из него нет. Он вздрогнул и хотел было задвинуть шторы, как вдруг заметил, что снаружи что-то движется.

Мощное тело кралось в подлеске. Оно обходило корабль, ожидая, пока они выйдут. Он сильно вдохнул, заметив

мельком оранжевую шкуру. Высокие лопатки двигались в такт движению существа между деревьями. Его хвост метался как беззвучный кнут, вспыхивая в темноте золотыми полосами. Он появлялся и исчезал, появлялся и исчезал. Играл в прятки. Тигрица повернулась и посмотрела прямо на него, в её изумрудных глазах горел знакомый блеск. Доктор беспомощно смотрел на самую старую страсть, которую ему доводилось видеть.

Вскрикнув, Айрис вдруг проснулась и свалилась с диванчика. Протолкнувшись мимо Доктора, она мельком увидела огромного зверя, легко скользнувшего в темноту.

— На нас напали! — вскрикнула она.

Это было похоже на призыв к охоте, и Доктор едва успел увернуться, когда она бросилась по проходу к багажному отделению, из которого достала древнюю жестяную коробку. Крышка отлетела в сторону, а под ней оказались самые разнообразные пистолеты, бомбы, ракетницы.

— У тебя есть оружие?! — поразился Доктор.

Она снова оттолкнула его локтём в сторону.

— Там, снаружи, суровый мир, — мрачно сказала она, раскрыла двери автобуса и выстрелила в ночь тремя ядовито-зелёными сигнальными ракетами.

Затем она для верности запустила несколько фейерверков. Они осветили заснеженную лощину странным зеленоватым светом. Айрис отряхнула руки:

— Это их прогонит.

— Её, — задумчиво сказал Доктор. — Это была старая тигрица. Но ты права, она больше не придёт. Во всяком случае, сегодня.

Уже ближе к утру, усталый и расстроенный Тёрнер вёз Сару в повозке домой. На всём пути до дома священника лошади капризничали. Они испуганно косились на тянувшийся

вдоль обеих сторон дороги лес. Повесив плечи, Сара смотрела на пробивающуюся между верхушками деревьев зарю.

— Почему мы остановились? — спросила она, когда её дёрнуло вперёд.

Она услышала, что Тёрнер опустил вожжи и спрыгнул на дорогу.

— Вам на это лучше не смотреть, — сказал он, беря из повозки одеяло, чтобы прикрыть найденное.

Сара не послушалась его и спустилась на землю. Тело замёрзло, но до этого на снег успело вытечь много крови. Нежно-розовый цвет. Это был пастор Адамс. Половина его тела была разбита и разорвана.

IV

Это был один из тех званых ужинов, на которые никто не хотел идти, но все понимали, что надо. Доктор, давний эксперт по подавлению конфликтов, убедил себя, что он лишь собирается «сгладить углы». Сара пошла потому, что пошёл Доктор, несмотря на то, что до сих пор была расстроена смертью пастора. Несчастный случай, как сказали представители власти. Дело было закрыто в считанные часы. Это было очень странно.

Айрис же решила, что она идёт на ужин потому, что она была заинтересованным лицом. Настоящей причиной ужина было желание леди Хантингтон лучше познакомиться с капитаном Тёрнером. Старая карга — снова развалившаяся в своём позолоченном кресле в поблёскивающем чёрном платье — пронюхала о чувствах, выраженных капитаном. И вот они сидели за самым богатым столом, который доводилось видеть Саре. При свечах, десятки слуг сновали туда-сюда, чтобы исполнять все их пожелания. Холодное бледно-золотистое

вино служило не только для запивания еды, но и для снятия напряжения между гостями. Сама леди Хантингтон почти ничего не ела. Половинка почти сырой утки выглядела в её тарелке так же грустно, как и апатично тыкавшая в неё серебряной вилкой хозяйка. Сидевшую рядом с ней Беллу ужин тоже не привлекал. Сара подумала, уж не отравлена ли еда? Она посмотрела на Доктора: тот уплетал за обе щёки, запивая еду вином.

— У нас есть нечто общее, — сказала, наконец, Айрис, взмахнув вилкой, на которой был кусок утки.

Леди Хантингтон посмотрела на неё испепеляющим взглядом, но Айрис это не остановило.

— Ваша дочь и мой племянник, как оказалось, любят друг друга. Я права, Эндрю?

Капитан Тёрнер покраснел и уткнулся взглядом в тарелку.

— Да, тётя Айрис.

Сара закатила глаза. Они хорошо вжились в свои роли.

— А ты, дорогая? — спросила леди Хантингтон у Беллы.
— Ты влюбилась? — с насмешкой спросила она.

Задрожав, Белла встала и выбежала из комнаты.

Сара сказала: «Я пойду за ней», и никто не обратил внимания на то, что она выбежала вслед за девушкой.

— Ах, любовь, — мечтательным голосом сказал Доктор.
— Она находит себе место в любых обстоятельствах.

Айрис обеспокоенно взглянула на него. Он встряхнулся.

— Такой брак может оказаться не таким и плохим, — размышляла леди Хантингтон. Она оценивающим взглядом осмотрела капитана Тёрнера. — Вы же понимаете, что мне есть, что терять. По сути, я передам всё это имение этому молодому человеку.

Айрис облизнула пересохшие губы:

— Я понимаю это.

Старуха весело рассмеялась:

— Я так и думала.

Доктор нахмурился. Он постучал по бокалу, чтобы тот зазвенел, и все посмотрели на него.

— Вы — не та, кем кажетесь на первый взгляд, — обратился он к леди Хантингтон.

— Уверена, что это можно сказать про всех нас, — проворковала она.

— Вы правы, — сказал он. — Но почему это вы вдруг обрадовались тому, что этот молодой человек ухаживает за вашей внучкой? Вчера у вас было совсем другое настроение.

Тёрнер не выдержал и тоже спросил:

— Да, что вас в этом привлекает?

Айрис пнула его под столом ногой.

Леди Хантингтон улыбнулась им:

— Если я завещаю свой дом этому молодому человеку, я хочу получить кое-что взамен, — она посмотрела на них ужасно ясными зелёными глазами, и Айрис поняла, что она скажет. — Мне нужна ваша ТАРДИС.

Сара слышала доносившийся снизу плач. Это были не благопристойные всхлипывания, которые она могла ожидать от Беллы. Девушка ревела во всю глотку за одной из покрашенных в голубой дверей. Сара рискнула, приоткрыв одну дверь, затем другую. За всеми дверями были красиво обставленные гостиные и спальни. Наконец, она нашла комнату Беллы.

Девушка лежала лицом вниз на куче соломы. В комнате не было ни мебели, ни ковров, а запах был как в зоопарке. Осторожно приближаясь к девушке, Сара увидела куски разорванного зубами окровавленного мяса. Из-под соломы выглядывали старые кости. Сара попятилась назад.

— Да, — сказала Белла. — Это моя комната. Здесь она меня держит, — она села, её волосы были растрёпаны. — Вот почему я не могу выйти замуж за такого парня.

— Откуда ты? — спросила Сара.

— Я всегда жила тут, — удручённо сказала девушка. — Но бабушка говорит, что мы с другой планеты. Не отсюда. Так она мне всегда говорила. Она говорит, что мы последние, — Белла взяла пучок грязной соломы и протёрла заплаканное лицо. — Я не могу вернуться вниз в таком виде.

— То, как ты выглядишь, не важно, — сказала Сара. Она медленно отступала назад. — Это ты убила пастора Адамса, не так ли? Это была ты.

Белла покачала головой:

— Но я была там. Я прошлой ночью пересеклась с ней в лесу. Я видела, что это она сделала. Она обезумела от жажды крови. Она сделала это ради забавы.

— Идём со мной, — сказала Сара. — Нужно положить этому конец.

В этот неподходящий момент слуги подали десерт — у них тарелках поблёскивали кроваво-красным фруктовые пудинги. Когда на тарелки клали щедрые порции заварного крема, Доктор с серьёзным видом сказал:

— То, что вы сказали, леди Хантингтон, равносильно признанию в том, что вы не отсюда и не из этого времени.

Она покачала головой:

— А вы кто такой, Доктор? Иммиграционный служащий? Вы всего лишь оборванец, который суёт нос в чужие дела, скажите спасибо, что ваш корабль такой бесполезный, иначе я могла бы забрать его у вас. Да, разумеется, я не отсюда.

Доктор откинулся на спинку стула и сложил руки на груди:

— Я так и думал.

Никто, кроме Тёрнера, не прикоснулся к десерту.

— Мой корабль в сделке не обсуждается, — сказала Айрис. — Этот корабль я очень ценю.

— Ты старая дура, — проревела леди Хантингтон. — Ты катаешься по космосу так же бесцельно, как этот бесстыжий дилетант. Ты сделаешь так, как я тебе скажу!

— Иди ты к чёрту, — беззаботно сказала Айрис.

Одним прыжком пожилая хозяйка вскочила на стол, рассыпая роскошные блюда. Чтобы отвлечь Доктора, она швырнула ему на колени зажжённый канделябр, а сама прыгнула на Айрис.

— Я не для того ждала тут столько лет, чтобы такие, как вы, мне помешали! — взвыла она. — Я должна вернуться домой! Я должна!

Костлявыми пальцами она вцепилась в шею Айрис и трясла её изо всех сил. Айрис хрипела. Доктор тем временем скакал, пытаясь избавиться от загоревшегося шарфа. Тёрнер выплеснул на него графин вина.

— Бабушка, прекрати! — закричала вернувшаяся в столовую Белла.

На секунду все замерли и посмотрели на неё.

У них на глазах Белла преобразовывалась. Пока она бежала через комнату, её белокожее тело покрывалось полосами и отращивало мех. Подбежав к бабушке, она взмахнула лапой с огромными когтями и ударила старуху по лицу, отчего та выпустила Айрис и полетела к окну.

Крича, леди Хантингтон свалилась на пол. Её лицо свисало полосами. Оно словно сворачивалось в розовые лохмотья и таяло, как иней. А её открывшееся истинное лицо было мордой, оскалом безупречных зубов из-под чёрных губ. Её платье затрещало на спине, тело больше не было старым и немощным.

— Нас не вернёшь в прошлое, — грустно сказала ей Белла. — Для нас слишком поздно. Мы вымерли. Мы вымерли, бабушка.

Старуха завывала.

Капитан Тёрнер пришёл в себя. Он пробежал мимо Беллы и всем своим весом кинулся на бабушку, застав её врасплох. Они оба вывалились в окно. Вдвоём они пролетели три этажа.

Остальные бросились к окну и посмотрели вниз, на дорожку из гравия. Капитан лежал неподвижно, истекая кровью, а от его тела убегала внешне невредимая тигрица. Через белые поля она мчалась к лесу.

— Возможно, это всё, — сказала Сара.

Доктор вдруг словно очнулся:

— Айрис! Она бежит к твоей ТАРДИС!

Несмотря на свою старость, тигрица бегала быстрее их всех. Она мчалась среди деревьев, из под её лап взлетали снег и прошлогодние листья. Однако из-за паники и драки её чувство направления нарушилось. Она носилась из одной лощины в другую, разыскивая замёрзший ручей, протекавший в лесу от того места, где стоял автобус Айрис. Но её инстинкты подводили её. Она взревела от ярости.

Айрис мимоходом посмотрела на распластанного Тёрнера.

— Выживет, — пробормотала она, и Сара поразилась её лаконичному, деловому тону.

Саре Тёрнер напоминал сломанную куклу, стонущую, истекающую кровью, не в состоянии двигать сломанными конечностями.

— Позаботься о нём, — повелела ей Айрис, повернулась и увидела, что Доктор выводит из конюшни двух лошадей. — Молодец, Доктор! — крикнула Айрис и поспешила к нему.

— Вы погонитесь за ней? — крикнула Сара, но оба повелителя времени уже были в сёдлах и скакали в направлении леса.

Они прекрасно знали, куда им нужно. Айрис была впереди, она бесстрашно направляла свою лошадь сквозь самые густые заросли, нажимая пятками на её бока. Как только появилась угроза её кораблю, в ней включился какой-то беспощадный инстинкт. Айрис предпочла бы умереть, но не дать его украсть.

Доктор с мрачным видом скакал следом. Мимо с ужасной скоростью мелькали ветви деревьев. Одно неосторожное движение, и кого-то из них может выбить из седла, а на такой скорости это может означать мгновенную смерть. Иногда он ненавидел такие погони.

А затем перед ними появился её корабль: красный, неряшливый, но нетронутый.

— Мы успели раньше неё! — с неожиданной лёгкостью Айрис спрыгнула с седла и побежала к автобусу.

— Мы этого ещё не знаем, — сказал Доктор, спускаясь на землю.

Он подобрал свой шарф и поспешил к Айрис, оставив лошадей тяжело дышать на холоде.

В одну секунду Айрис рылась в сумочке в поиске ключей, а в следующую секунду её уже распластало гибкое золотистое тело выскочившей на поляну тигрицы. Две женщины с криком вцепились друг в друга. Прежде чем чуть не потерять сознание от мощного удара лапой, Айрис успела отбросить связку своих ключей. Бывшая леди Хантингтон легко прижимала её к земле и ревела от удовольствия.

Доктор воспользовался возможностью проскользнуть мимо них. По пути он поднял выпавшие из рук Айрис ключи и быстро вставил нужный ключ в замок. Двери раздвинулись, и он забежал вовнутрь.

Тигрица била хвостом и изогнула шею, отчаянно пытаясь увидеть, что происходит.

Тем временем Доктор на борту двухэтажного автобуса кричал сам себе: «Думай! Думай!» Он хотел было обыскать

оружейное хранилище Айрис, но затем стукнул себя по лбу: «Придумал!»

Он бросился к её барному шкафу и начал рыться в беспорядочно стоявших бутылках, статуэтках и бумагах. Автобус качнулся: тигрица впрыгнула в открытую дверь. С трудом удержав равновесие, он резко обернулся и увидел, что тигрица перекрыла собой дверь, её плечи едва помещались в проёме. Позади неё пыталась встать на ноги Айрис. С громким криком она бросилась к ним.

А затем Доктор нашёл то, что он искал. Контейнер для сообщений, размером с футбольный мяч. Держа его в руках, он пошёл к тигрице. Она щёлкнула зубами.

Он постарался сделать свой голос низким и завораживающим:

— Но вам же на самом деле не нужен этот старый разболтанный корабль.

Она остановилась. Зелёные глаза смотрели на него.

Он поднял бронзовую сферу:

— Вы можете получить вот это! Вы знаете, что это такое?

Он смотрел на бушующее в её глазах зелёное пламя.

— Это чудо транс-размерностной физики повелителей времени, — сказал он. — Оно гораздо удобнее старого грязного автобуса.

Он стоял возле кабины водителя. Ему нужно было только поставить сферу на ротор времени. Он мог сделать то, что пробовал сделать раньше.

Старая тигрица сказала:

— Я заслужила этот корабль. Мне нужно вернуться в прошлое моей родной планеты. Мы не заслуживаем вымирания.

Доктор грустно сказал:

— Я не виню вас в том, что вы пытаетесь спасти себя.

Он опустил контейнер для сообщений и, как он и рассчитывал, тот начал светиться, пульсируя энергией. Шар

устанавливал тысячу соединений с ТАРДИС Айрис. Скоро он сможет выполнить команду Доктора.

— Если бы вы были так близки к вымиранию, ты бы сделал то же самое.

— Не знаю, — сказал Доктор. — Слушайте, а что если я скажу, что есть гарантированный способ сохранить вас?

— Это какой-то трюк? Ты не в том положении, чтобы торговаться, Доктор, — в подтверждение своих слов она клацнула своими мощными челюстями.

Он намеренно опрокинулся на спину, успев при этом провести рукой над органами управления. Он велел сфере для сообщений обратить свои внутренние размеры. Та повиновалась его поспешным инструкциям.

Истекая кровью и сжимая свою сломанную руку, Айрис смотрела снаружи, как воздух внутри её ТАРДИС задрожал, и внутренние размерности пришли в движение. В течение секунды они тарахтели и сворачивались, как поломанная штора на роликах. Она подумала, что её кораблю конец.

А затем раздался триумфальный крик, и появился Доктор, прижимающий к своей груди сферу.

— Она внутри, — с грустью сказал он. — В полной сохранности.

— Что ты сделал?

— Спешная вариация на тему того эксперимента моего прежнего воплощения. Сработало, — он бросил шар Айрис. — Теперь это её маленький мир. Она может вечно там носиться и думать, что весь мир вращается вокруг неё.

Оставив Айрис рассматривать этот трофей, Доктор сел на лошадь и поспешил обратно, в особняк.

Айрис оторвала взгляд от сферы и со счастливым видом посмотрела на номер 22 до Патни Коммон.

Утром её уже не было. Поляна была пуста.

Тёрнер сидел в кровати, весь в бинтах, пластырях и синяках.

— Она меня бросила!

Белла ухаживала за ним сама:

— Доктор зашёл рассказать об этом сегодня утром.

— Ну, отлично, — он с отвращением осмотрел декор комнаты для гостей. — Я же даже не из этого времени. Как она могла меня бросить?! — его глаза загорелись. — Может быть, Доктор меня вернёт?

Белла скривилась:

— Он тоже уехал. Сразу после обеда.

Тёрнер побледнел:

— Почему ты мне не сказала? И Сара с ним?

— Да, разумеется.

— Разумеется.

— Они сказали, что полетели за Айрис. Я не знаю зачем. В общем, они все уехали. Как сказала Сара, «в новую неразбериху».

Тёрнер не выдержал и улыбнулся:

— Может быть, то, что я не сними, к лучшему...

— Так ты останешься тут? — спросила Белла.

— А где твоя тётя? — спросил он, словно ожидая, что тигрица в любой момент может вылезти из-под кровати.

— Доктор сказал, что я её больше не увижу. Она бросила нас всех и, по его словам, живёт теперь в собственном мире, — Белла присела на край кровати. — Думаю, это к лучшему. Тут она никогда не была счастлива, — она посмотрела на него испытывающим взглядом. — Твоё предложение всё ещё в силе?

У него расширились глаза:

— Но ты же тигрица!

Белла улыбнулась:

— Иногда.

Иллюстрация June Hudson к книге The Scarlet Empress, в которой участвовало это же воплощение Айрис.

Держи голубя!

Роберт Перри и Майк Такер

Перевёл ssv310

Южная железная дорога приносит извинения за неудобства, вызванные сегодняшними опозданиями поездов, случившимися из-за неполадок семафоров возле станции Баттерси-Парк. Мы надеемся прибыть на вокзал Виктория в ближайшее время.

Превосходно. Уже полтора часа Джо Дейкин торчал в этом поезде, едва продвигающемся от станции к станции на север.

Поезд дёрнулся вперёд, но через несколько метров снова остановился. Уже не в первый раз за это утро напряжение среди пассажиров стало слышным — нарастающий недовольный гул. В вагоне было душно. Хуже того, вокзал Виктория был уже виден, прохлада его платформ была всего в нескольких сотнях метров от них, но им приходилось печься в августовской жаре. Он чувствовал запах стоявшей рядом с ним женщины. Она наверняка тоже чувствовала его запах. Он, она и большинство пассажиров в вагоне были одеты для такой погоды излишне и мучились в своих костюмах.

Он посмотрел на часы. Почти половина одиннадцатого. Он не переживал о том, что опоздает на работу, для этого не было причин — он был достаточно большой шишкой — но всё-таки небольшие сбои в регулярной жизни заставляли его нервничать. Шесть месяцев назад он присоединился к молодой команде в «Innovations Unlimited». Электронные приспособления. Обычная ерунда на самом деле: фонари для

освещения крыльца, которые включались при срабатывании датчиков движения, брелоки для ключей, которые пищали, чтобы легче было их найти, и прочие вещи, которые можно было продать только через рекламные приложения к журналам. У Джо Дейкина был талант по части ерунды. Её техническая часть всегда казалась ему по-детски простой, и у него была необъяснимая способность предсказывать, что будет пользоваться спросом. На прошлой неделе фирма получила Королевскую Награду за заслуги в промышленности.

Кто-то в вагоне прикурил сигарету. Он услышал чирканье спички о коробок, почувствовал резкий запах дыма. Кто-то пробормотал: «Только этого не хватало...» Недостаточно громко, чтобы можно было разобрать, кто именно жаловался.

Почему в такое утро никто не сорвался? Все сидели плечом к плечу, потели, ждали, не разговаривали, старались даже не смотреть друг другу в глаза, возмущались молча.

Жужжание. Женщина вскрикнула, сумев замолчать раньше, чем её голос набрал полную силу. В вагоне летала оса. Она летала туда-сюда у Джо перед носом. Он очень сильно вспотел. Оса села на его руку и начала пить пот. Он чувствовал, что все глаза в вагоне смотрят на него, на его руку.

Он неподвижно ждал, что сейчас эта тварь его ужалит.

Жужжание было громким. Казалось, что оно исходило вовсе не от насекомого. Оно было у Джо в голове. У него перед глазами всё поплыло: две осы, потом больше. Внезапно он смог видеть сквозь безупречную жёлто-чёрную шкурку; смог видеть крохотные артерии, по которым шла кровь, миниатюрные органы.

Люди вокруг него... он почти чувствовал их мысли. Не слова, а эмоции: возмущение, враждебность, едва сдерживаемая дикость. Он мог видеть сквозь их одежду, сквозь кожу и мышцы, до самых костей.

Поезд дёрнулся и поехал, и Джо почувствовал, что падает вперёд.

Раздался громкий треск.

Вспыхнул свет.

Он двигался. По инерции он продолжал нестись вперёд со скоростью поезда, но поезда уже не было. Он свалился на пол, проскользил по нему и остановился.

Он медленно открыл глаза и осмотрелся. Он в помещении. В доме. В его лицо вжимается гладкий паркет. Он увидел покрытые деревянными панелями стены, закрытые ставнями окна.

Он не шевелился. Что, чёрт возьми, происходит?

От неожиданного звука он вздрогнул. Шарканье. Он встал на ноги. На него безучастно смотрела старая женщина. Джо не мог даже предположить, насколько она была старой. У неё были впалые щёки, морщинистое лицо, она опиралась на рамку-ходилку из металлических трубок.

— Я... Я... — беспомощно мямлил Джо.

Он не знал, что ему сказать. С чего ему начать?

Женщина отвернулась от него и, шаркая, пошла прочь. Стук её рамы-ходилки по деревянному полу гулко разносился по длинным коридорам. Джо бросился за ней.

— Эм... Простите, но где я нахожусь? Я был в поезде и вдруг... — он замолчал. Это звучало смешно. Ситуация была дурацкая.

Женщина по-прежнему не обращала на него внимание. Она пыталась открыть тяжёлую дубовую дверь.

— Погодите. Позвольте мне, — Джо толкнул дверь, и старуха вошла в неё.

Немного поколебавшись, он пошёл за ней.

В комнате было полно людей, стариков, вряд ли кто-то из них был моложе восьмидесяти. Медленно и мучительно, они все обернулись и посмотрели на него. Никто ничего не сказал.

Под этим взглядом столетий Джо словно лишился сил. Он слышал хрип их лёгких, потрескивание костей. Его вдруг охватила паника, он развернулся и побежал.

Он не знал, куда он бежит. Безликие тёмные коридоры могли вести куда угодно, но ему было всё равно. Куда угодно, лишь бы подальше от ужасных, страдальческих глаз той комнаты.

Внезапно из темноты возник человеческий силуэт, и Джо в него врезался. Он заставил себя расслабиться.

Спокойно, спокойно.

Это был рыцарский доспех.

Тяжело дыша, Джо прислонился к одной из панелированных дверей и прижал лоб к холодной древесине.

И тут же отпрянул. Дверь гудела. Вибрировала. Он приложил к ней обе руки. Неровный гул, как от генератора. Он потянулся к ручке двери.

Раздался громкий треск.

Вспыхнул свет.

— Профессор, ты ещё долго?

Эйс сидела на невысокой стенке и болтала ногами, наблюдая, как Доктор суетится вокруг большой неровной ямы на заднем дворе дома ленточной застройки.

— Тихо, Эйс. Я думаю.

— А тебе обязательно думать именно здесь? Я раньше думала, что в Перивейле скучно, но Кройдон...

Доктор бросил на неё недовольный взгляд. Эйс вздохнула, спрыгнула со стены и лениво побрела по улице.

Минут двадцать назад ТАРДИС приземлилась в безлюдном квартале, и Доктор настоял на том, чтобы осмотреться. Эйс не видела в этом большого смысла — всё выглядело вполне обычно — но Доктор «что-то чувствовал».

Она обернулась на него. Теперь он уже был в самой яме и тыкал в землю своим раздвижным щупом. Он всё ещё был одет

в свой тёмный пиджак, клетчатые брюки и в этот чёртов пуловер. Он, наверное, изнывает от жары, температура почти тридцать градусов. Она попыталась убедить его одеться иначе, но единственное, чего смогла добиться — он не взял с собой зонт.

На Эйс были вело-шорты и топик. Она решила воспользоваться отсутствием развлечений и принять солнечные ванны, но Доктор заметил на дороге царапины, рассыпанную землю, и тут же помчался, как унюхавший дичь терьер. Мусорный след привёл его по переулкам восточного Кройдона сюда. На эту улицу. К этой яме.

И с тех пор он ощупывал корни, рассматривал землю, и даже попробовал один из камней на вкус! Эйс не понимала, что его так увлекло. Дальше по улице дети играли в футбол, женщина развешивала бельё (бдительно приглядывая за Доктором), а из одного из окон доносился громкий рэп: всё казалось вполне нормальным.

Из одного из садов вышла кошка. Она вальяжно вышла на середину улицы и принялась вылизываться. Эйс устало посмотрела на неё. Она напомнила себе о том, что обычно всё ужасное происходило именно тогда, когда всё вокруг выглядело нормальным.

Джо резко проснулся и не обнаружил вокруг себя ничего, кроме привычной ему обстановки. Он был в своей спальне, на своей постели. Он тут же снова лёг на спину. Приснилось. Слава Богу, всё это ему просто приснилось.

Вот только... Он осмотрел себя. Он всё ещё был полностью одет.

Его мысли завертелись. Несколько раз за свою жизнь он напивался так, что возвращался домой на автопилоте, но вчера он ничего не пил.

В руке у него что-то было. Он поднёс руку к глазам. Билет на поезд. Сегодняшний билет на поезд. Он застонал. Значит, это был не сон.

Пошатываясь, он вышел из спальни. Перед ним была лестница, лестничная площадка, кухня, ванная. Всё на своих местах. Его.

Свою квартиру в Кройдоне он считал своего рода оазисом. Она была большая, светлая, в ней было то, что ему нравилось — в основном книги и кассеты. Стены были покрашены в успокаивавшие его пастельные цвета. Джо Дейкин вложил деньги в это убежище. Когда он долго был вдали от всего этого, его охватывало беспокойство. Он считал, что это просто часть того безумия, которым была жизнь в Лондоне. Он считал, что все чувствуют то же самое.

Глубоко дыша, наполняя лёгкие спокойствием, он пошёл на кухню. Кофе. Он включил чайник и слушал, как тот шумел и бурлил, наполняя кухню своим звуком, а затем выключился. Во внезапно наступившей тишине звучало чьё-то пение.

Кто-то пел в гостиной!

«Мой муженёк сказал: иди за повозкой...»

Жуткий резкий кокни, едва попадающий в ноты, доносился из-за лестничной площадки, с другого конца квартиры. Голос был похож на женский, как у спившейся бомжихи.

Или он сошёл с ума или...

Нет, это невозможно. Это кто-то с работы. Розыгрыш.

Ладно, надо сохранять спокойствие. Он приготовил себе кофе. Молоко. Сахар. Как ни в чём ни бывало, он взял чашку и вышел на лестничную площадку. Он нерешительно толкнул дверь своей гостиной. И чашка тут же выскользнула из его ослабевших пальцев и упала на пол.

В комнате был беспорядок. Ящики его письменного стола были выдвинуты, повсюду валялись бумаги. Один из книжных

шкафов был опрокинут. Он рухнул на аудио-систему, и та рухнула на пол.

И всё было обляпано... Что это такое... белое? Боже, что это за запах?

— О боже, боже, боже...

Пение прекратилось. Говоривший на кокни голос обращался к нему. Джо не мог понять, откуда идёт звук.

— Бардак тут, да, начальник? Джеффри Арчер? Хэммонд Иннс? Ты что, правда это читаешь?

Казалось, что голос доносится из-за остатков книжного шкафа. Джо шагнул вперёд, во рту у него пересохло, никакие слова на ум не приходили, его голос забился куда-то далеко-далеко, в самый укромный уголок.

— Купи себе лучше что-нибудь Иэна Бэнкса, это гораздо лучше. Или Плэтта.

Раздался звук упавших книг и... хлопанье? Трепетание? Перья.

Джо инстинктивно прикрыл лицо рукой. К нему летел голубь, взмахи его крыльев сотрясали воздух небольшой комнаты.

— Да ладно, ладно. Я тебя не обижу.

Это был голубь. С ним разговаривал голубь!

— Эм... ты, наверное, думаешь, что это я всё натворил?

Белое вещество, разляпанное повсюду, как краска. Запах...

У Джо кружилась голова, он брёл обратно на кухню. У него явно галлюцинации. Голубь полетел за ним. Он уселся на край раковины и попил из неё воды.

— А покрепче ничего нет?

Выпить. Да. Это поможет. Джо достал из холодильника бутылку водки. Он налил себе стопку и выпил её одним залпом, стараясь не обращать внимания на возмущавшуюся птицу. Он посмотрел в окно, на растущее на его заднем дворе

дерево, чтобы увидеть что-нибудь нормальное. Стопка выскользнула из его руки. Деревя не было. Оно не упало. Его не спилили. Его просто не было. Там, где росло старое дерево, сейчас была неровная яма. А в этой яме был мужчина.

— Эйс, иди-ка посмотри на это.

Эйс перестала играть с кошкой, снова надела тёмные очки и обернулась в сторону Доктора.

— Что ты там нашёл, Профессор? Опять какое-нибудь «Зло с начала времён»?

Он обиженно на неё посмотрел:

— И незачем так ехидничать.

Она усмехнулась, подошла к краю ямы и посмотрела вниз.

— Ладно, показывай, что там у тебя такое важное.

Не успел Доктор ей ответить, как задняя дверь дома резко распахнулась, и к ним через двор бросился растрёпанный молодой человек. Он схватил Эйс за плечи и встряхнул её. Глаза у него были широко раскрыты, он кричал во всю глотку:

— Что, чёрт возьми, происходит? Что вы со мной делаете?

Его атака застала Эйс врасплох. Доктор пытался выкарабкаться из ямы и помочь ей, но тут вокруг него начал кружить вылетевший из дома голубь.

— Темпоральные аномалии, — щебетал он. — Только подумал, что разобрался в них, а они, блин, снова появляются. Что же, придётся переделывать.

Что-то громко треснуло, вспыхнул свет. Когда свет погас, Эйс и молодого человека уже не было.

Ди Мэтьюз смотрела на стоявшего на другой стороне студии мужчину в наглаженном чёрном костюме. Остальные сотрудники смотрели на двоих ведущих, репетировавших

перед полукругом камер свои искусственные улыбки, но она не могла отвести взгляд от сидевшего в тени мужчины.

В здание Канала Семь, расположенное у Темзы, она прибыла в пять утра — почти два часа назад — и тут же принялась (как обычно) проклинать судьбу за эту сказочно долгосрочную работу в сказочно ранние часы; проклинать то, что её безработный бойфренд ещё два часа будет валяться в постели, и то, что она жила в Финчли, а студия была в Теддингтоне.

Она взяла в стоявшем в коридоре автомате дурно пахнувший кофе, плечом открыла дверь в гримёрную и собрала свои распущенные тёмные волосы в неаккуратный узел. Её ассистентка, Джеки, была уже там, вся из себя блондинка, выглядевшая безупречно, как всегда жизнерадостная. Когда они вдвоём вовсю обсуждали прошедшие выходные, в дверь заглянул Бен, помощник режиссёра, и кинул им на стол копию расписания на день:

— Планы изменились. Министр внутренних дел отменяется. Вместо него будет Говард Хитрос.

Ди уставилась на него:

— Ты шутишь? Это тот, который в прошлом месяце был на Пятом Канале? Доктор «я-поверну-время-вспять-и-сделаю-вас-снова-юным»? Мечты.

Бен лишь улыбнулся:

— А на прошлой неделе он это таки сделал. Наш главный просто в экстазе. Он уже двенадцать лет здесь работает продюсером, и это самое близкое к сенсации, что у него было.

Бен исчез, вернувшись в суету студии. Час спустя у проходной остановился автомобиль Хитроса, и Кевин, директор студии, провёл доктора в гримёрную.

Ди решила заняться макияжем Хитроса сама — Джеки вполне справится с двумя ведущими. Тасмин и Ник Хендерсоны были старыми профессионалами из семьи старых профессионалов — это замечательно, но Ди гримировала их

уже несколько месяцев, и уже переслушала все их истории. А вот гримировать гостей означало возможность говорить каждый день с кем-то новым, а если Хитрос мог делать то, что утверждал, он станет очень, очень богатым.

Он оказался совсем не таким, каким она его себе представляла. Она ожидала увидеть щуплого, сутулого учёного. На самом же деле перед ней был красивый, крепкого сложения мужчина с проницательным взглядом. Он сел в кресло перед зеркалом и покорно улыбался, дожидаясь пока лебезящий перед ним Кевин уйдёт в студию. Ди попыталась расслабить его разговором, но как только он начала с ним разговаривать, что-то в нём начало вызывать в ней беспокойство.

— У вас, должно быть, рука в этом деле набита. Месяц назад на Канале Пять, на прошлой неделе — *Exposé*, а теперь у нас. Такими темпами у вас скоро будет собственное телешоу.

— О, не думаю, что до этого дойдёт, хотя известность всегда полезна.

Он улыбнулся и пересёкся с ней взглядом в зеркале. По необъяснимым причинам Ди покраснела; она поспешила закончить работу, ей вдруг захотелось поскорее избавиться от этого мужчины.

— Я закончила, — сказала она и шагнула назад.

Он поймал её за запястье, аккуратно, но крепко.

— Не могли бы вы убрать седину в бороде? С моей стороны это, должно быть, ужасно тщеславно, но на том, кто борется со смертью, седина не уместна.

И он снова улыбнулся.

Это было полчаса назад. А сейчас Хитрос сидел в прохладе съёмочной площадки, помощники режиссёра вились вокруг него как мухи, предлагая кофе, воду — что ему угодно. Ди стояла позади сплетения камер и осветительной аппаратуры и наблюдала. Она надпила свой кофе. Руки у неё

до сих пор дрожали. Джеки последний раз осматривала ведущих, а Ди приближаться к своему клиенту не хотелось. Она посмотрела на один из висевших под потолком мониторов. Хитрос хорошо выглядел. Даже на экране его глаза сверкали. Она отвела взгляд и сосредоточилась на кофе, стараясь сдерживать дрожь в руках.

Благодаря этой телепередаче она сталкивалась с политиками, кинозвёздами, один раз даже с террористом, но ни из-за кого из них она себя не чувствовала так плохо, как из-за этого тихого зловещего доктора.

Она добавила в свой список утренних ругательств ещё одно, о запрете курения в студии.

Бен вышел на съёмочную площадку:

— Тридцать секунд до эфира! Всем удачи!

Наступила привычная тишина, все взгляды были обращены на стрелки часов, приближающиеся к 7:00.

— Пять секунд, четыре, три, две...

Рука Бена опустилась под камеру-1, и ведущие приняли отработанные позы.

— Доброе утро! Сегодня 15 августа 2067 года, и вы смотрите «Завтрак с Седьмым Каналом». Я Ник...

— А я Тэсмин Хендерсон. В сегодняшнем выпуске мы поговорим с членами нового коалиционного правительства об их предполагаемой связи со взрывом автомобиля министра обороны оппозиционного кабинета министров, а наш политический корреспондент Роки Маршалл расскажет о последствиях «войн Колы», в ходе которых в Южной Америке погибли тысячи людей.

— Но вначале мы поговорим с гостем нашей студии, доктором Говардом Хитросом, который на прошлой неделе перевернул наше представление о пожилом возрасте, доказав, что его метод омоложения действительно работает.

Свет направили на Хитроса, и он подался вперёд, к камере.

Следующие двадцать минут Ди смотрела на то, как Хитрос очаровывал ведущих и зрителей своими утончёнными манерами, говорил о своём методе, не раскрывая при этом никаких деталей. Лишь один раз на его лице промелькнуло подобие злости, когда Ник поднял вопрос о его отношениях с новым, правым правительством.

— Разумеется, мы общались. За последние пятьдесят лет произошёл огромный рост доли пожилого населения. Люди доживают до девяноста лет, до ста и больше. Дома для престарелых обходятся налогоплательщикам в миллионы. Мой метод позволит этим состарившимся, жалким обузам нашего общества снова войти в него энергичными молодыми представителями рабочей силы.

Он откинулся на спинку кресла и сложил пальцы домиком.

— Мой метод — это не косметология для самых богатых, это социальное и экономическое чудо для всех.

Ник и Тэсмин улыбнулись друг другу, и Тэсмин наклонилась вперёд и коснулась колена Хитроса.

— Но в самом деле, доктор... Вы действительно добились того, к чему человечество стремилось на протяжении десятилетий, или это просто рекламный трюк?

Хитрос был сама невозмутимость:

— Генетические тесты подтверждают мои слова. Увиденные вами младенцы — те же старики, которые пришли ко мне. Чем ещё это можно объяснить? Машиной времени?

Когда Хитрос улыбнулся, Ди внезапно поняла, где она раньше видела эту улыбку.

В телепередачах о дикой природе.

Это была улыбка большой кошки.

Улыбка хищника.

Расхаживая вокруг ямы, Доктор сорвал с себя шляпу и швырнул её на землю.

— Нет, нет, нет!

Голубь уселся на камень и многозначительно посмотрел на повелителя времени:

— Нечего переживать. Что сделано, то сделано.

Доктор нагнулся так, что его нос оказался напротив клюва голубя.

— У тебя есть хоть малейшее представление о том, что ты наделал?

— Выполнил свою обязанность, — сердито ответил голубь. — Вот! А ты кто такой, чтобы возмущаться?

Доктор запустил пальцы в перья голубя и вынул оттуда элегантную тиснёную визитную карточку. Он положил её на землю.

Голубь посмотрел на карточку, скосив голову набок:

— Ой, блин...

Хитрос сел на заднее сидение своего лимузина, отмахнувшись от настойчиво пытавшегося помочь Кевина. Он нажал на кнопку, и тёмное стекло закрыло окно, обрывая благодарности директора студии.

Его водитель посмотрел на него с переднего сидения, поправил тугой воротник, неуместный в августовской жаре, и спросил:

— Всё хорошо, сэр?

— Жалкие инфантильные трусы, все они, — огрызнулся Хитрос. — Вся эта... рекламная кампания... — плевался он словами, — отвратительна, но необходима.

Он откинулся на мягкую кожу спинки и закрыл глаза. Его шофёр посмотрел на него в зеркало заднего вида.

— Вам плохо, доктор?

— Крути баранку, Гарт. Отвези меня обратно домой.

Мощная машина с водородной турбиной рванула с парковки в транспортный поток. Хитрос на заднем сидении не шевелился. Направляя машину на юг, Гарт слышал тяжёлое дыхание хозяина.

Он уже не первый раз видел своего работодателя в таком состоянии, но с каждым разом это было всё хуже, а повторялось всё чаще. Гарт беспокоился. Хитрос был странным человеком, тут ничего не скажешь, но он хорошо относился к Гарту. После тюрьмы его никто не хотел брать на работу, но Хитрос счёл наличие судимости (тяжкие телесные повреждения и ограбление) положительным моментом.

Гарт вдавил педаль большого БМВ, и показания спидометра поднялись до 110 миль в час. Он пытался сосредоточиться на дороге и не обращать внимания на доносившиеся с заднего сидения хрипы.

Сорок минут спустя он открыл парадную дверь просторного старого особняка в Сюррее, и Хитрос выбрался из машины и пошёл в дом. Гарт провёл взглядом исчезающую в тени сгорбившуюся, едва похожую на человека фигуру своего работодателя. Вздохнув, он снова сел за руль и поехал к гаражам, расположенным на краю имения.

Эйс с поразительной быстротой оправилась от шока, вызванного новым окружением. Уж слишком много времени она провела с Доктором. Мгновенный перенос из одного места в другое становился для неё обычным делом.

А вот у её сПатника была истерика. Он всё ещё держал её за плечи, на лице у него была паника, он продолжал орать на неё. Эйс знала только один способ успокаивать истеричных мужчин. Она резко двинула коленом.

Пока он пищал и опускался на пол, Эйс осмотрелась. Тёмное дерево, ставни на окнах. Она шагнула, и под ней громко скрипнули половицы. Жуткий старый дом.

Она нахмурилась:

— Если ты опять меня во что-то вляпал, Профессор, я тебе все ложки перегну.

У неё из-под ног донёсся стон. Она подняла бледного мужчину на ноги и улыбнулась ему.

— Простите. Меня зовут Эйс.

Его голос всё ещё немного дрожал.

— Джо, — он посмотрел на неё умоляющим взглядом. — Пожалуйста, скажите мне, что происходит.

— Хотела бы я знать. Но с вами это случилось явно не впервые. Рассказывайте...

Джо рассказал о своём предыдущем посещении этого дома и о встрече с его престарелыми обитателями. Эйс кивала, словно ей всё было понятно. На самом деле она ничего не понимала, но если они хотят вернуться, им нужно использовать все имеющиеся данные.

— Ты много успел в этом здании осмотреть?

— Мало, — Джо сидел на корточках на полу. — Не могу сказать, что у меня было настроение что-то изучать. Я просто наткнулся на этих стариков и на гудящую дверь.

— Дверь... Ты сможешь меня к ней провести?

Джо огляделся по сторонам:

— Возможно. Думаешь, за ней может быть что-то важное?

Эйс пожала плечами:

— Это стоит проверить.

Они вдвоём ходили по дому. Местами в трещины ставень проникали ослепительные лучи солнца, но в целом дом был холодный и мрачный.

Джо безнадежно заблудился, он ничего не узнавал. Эйс думала, что это из-за шока. Она боялась, что он не сможет это пережить.

Эйс заглянула за одну из дверей. Она схватила Джо за руку.

— Смотри!

Они вдвоём прокрались в комнату. Со стен светил мягкий свет, машины издавали успокаивающее гудение и тиканье. Вдоль стен стояли люльки, в каждой из которых лежал грудной ребёнок. Эйс присмотрелась к одному из спящих малышей. Он казался вполне умиротворённым. А затем она увидела капельницу.

Сон не был естественным, их усыпили.

Она почувствовала приступ гнева. Какой ублюдок мог такое сделать? Джо тем временем стоял посреди комнаты и держался за голову. Пользы от него будет как от козла молока.

— Идём, — она потащила Джо в коридор. — Мы тут ничего не понимаем. Давай выбираться отсюда.

— Как? Мы же кругами ходим.

Эйс указала на одно из закрытых ставнями окон:

— Мы знаем, что за ним свобода.

Она потянула тяжёлую ставню. Заперто, разумеется. Она крепко схватилась за ручку, упёрлась ботинком в другой край окна и потянула изо всех сил.

Раздался громкий треск, и она свалилась в коридор с кусками гнилой ставни в руке. В пыльный воздух проникли лучи света. Джо смотрел на неё и не верил своим глазам. Она встала с пола.

— Спасибо, что помог.

Джо смотрел на неё, не понимая.

Эйс вздохнула:

— Подай мне, пожалуйста, вон тот стул.

Джо пододвинул к ней стул с металлической рамой, и Эйс взяла его в руки, оценивая вес.

— Да, вполне сойдёт.

У Джо расширились глаза:

— Но ты не можешь вот так...

Эйс крутнулась, словно метательница диска, и стул с грохотом пролетел сквозь высокое изящное окно.

Она указала большим пальцем на зияющую дыру:

— Идём! Нытики и дети первые.

Они оказались снаружи, под ослепительным утренним солнцем. Эйс осмотрелась. Территория была обширная, вдали проглядывала стена. Это ничего хорошего не сулило.

Она пошла через сад, стараясь держаться в тени деревьев и высоких кустов. Никого вокруг не было, но осторожность никогда не помешает.

Джо плёлся следом, цепляясь волосами за ветки, раздирая шипами одежду и вообще всячески привлекая к себе внимание. Эйс решила бросить его в первом же безопасном месте.

Она раздвинула заросли рододендронов. За ними была стена.

— Чёрт!

Стена была в два раза выше неё, а поверх неё шла колючая проволока.

— Должны быть ворота, — уныло сказал Джо.

Эйс посмотрела на него с презрением:

— Если стены такие, то ворота наверняка охраняются.

— Но мы можем всё объяснить!

— Ага, конечно. «Простите, на нас напал говорящий голубь, а затем вспыхнул свет, и мы оказались у вас в гостинной». Это нам очень поможет.

Джо обиделся, и Эйс мысленно выругала себя. Она была несправедлива. Он был напуган, в шоке, он не был готов к такому.

Пока она лихорадочно обдумывала различные варианты действия, тишину нарушил тонкий гнусавый голос:

— Эй, а что это вы тут, в кустах, делаете?

Эйс обернулась и присела. Джо чуть не запрыгнул на стену.

На них сквозь листву смотрел мужчина в очках с роговой оправой и с длинной седой бородой. Хиппи. Престарелый хиппи. Нет, — поправила себя Эйс, — *древний* хиппи. Морщин на его лице было больше, чем на его выцветшей футболке; он опирался на сучковатую палку. Этой палкой он пригрозил им:

— Да, там написано «По *газонам* не ходить», но на кусты это тоже распространяется!

Эйс и Джо выбрались из рододендронов. Хиппи стоял и смотрел на них.

— Простите, — Эйс решила изобразить невинность. — Мы немного заблудились. Просто пытаемся выйти.

— Заблудились, говорите? Не надо врать! Сюда никто не заходит. Это невозможно.

— Кто-то оставил ворота открытыми, — улыбнулась Эйс.

Хиппи сдвинул очки на кончик носа и посмотрел поверх них:

— Как мне тут поддерживать порядок, если незнакомые тёлки по кустам топчутся? Ну цветы же, блин! Наступать на цветы — это как, ну... — он подошёл к клумбе и начал равнять землю концом своей палки.

От другого голоса Эйс вздрогнула.

— Отто? Отто, ты где?

Этот голос был моложе, резче и — по мнению Эйс — намного опаснее. Она схватила Джо за руку, и они вдвоём бросились обратно к дому.

Скрестив ноги, Доктор сидел на чердаке квартиры Джо и возился с лежащим перед ним на полу маленьким устройством. Оно было похоже на вертикальный цилиндр, верхушка которого была немного уже, чем дно. На первый взгляд его можно было спутать с банкой печёных бобов. Вот только он был чёрный, а его поверхность была покрыта наростами и нитями. А ещё он был примерно в тысячу раз тяжелее, так как

был изготовлен из одного из самых плотных из известных в этой части галактики сплавов.

Голубь сидел на полке и наблюдал. Доктор бросил на него испепеляющий взгляд. Виргоане. Раса изменяющих свою внешность биомеханических симбиотов с манией поддержания темпорального порядка. Повелители времени знали о них — тяжело было не заметить тот хаос, который они создали на протяжении столетий.

Виргоане только тем и занимались, что разыскивали темпоральные аномалии и исправляли их; исправляли их плохо, но с неудержимым энтузиазмом. Повелители времени пытались их остановить, но без особого успеха.

Доктор вздохнул. Темпоральные тяп-ляп мастера.

Голубь залетел за ним в квартиру, где Доктор заварил себе чаю и потребовал объяснений.

— Мы группа наблюдения. Мы занимались обычной темпоральной проверкой Спирали Маттера. Мы зарегистрировали здесь, на Земле, аномалию и прибыли, чтобы разобраться.

— Мы?

— Мы... Я... Не забывай, что я виргоанин. Корабль, пилот, зонд. Меня... нас трое. Иногда это сбивает с толку.

— Мне это знакомо, — сказал Доктор. — Меня вообще тринадцать. Ты, я полагаю, зонд?

— Я зонд, да.

— И ты решил, что приняв форму говорящего голубя не будешь вызывать подозрений?

— Вначале я был одним из этих маленьких полосатых существ, — сказал голубь. — Жёлто-чёрным...

Доктор слышал едва уловимое жужжание крохотного микропроцессорного мозга.

— Осой. Точно. Но люди от меня всё время сбегали. Пытались меня газетой прихлопнуть. Несладко мне досталось, поверь мне. А так гораздо лучше.

В конечном итоге, как объяснил голубь, они нашли десятки мелких аномалий. По вселенским масштабам это немного: всего лишь несколько человек, смещённых примерно на восемьдесят лет. Джо был первой аномалией, которую следовало «исправить».

— Всё дело в этой фигне, — голубь кивнул на лежавший у ног Доктора прибор. — Это временной якорь. Он удерживает субъекта в состоянии темпоральной стабильности. Фиксирует его в одном периоде времени. Тахионное поле...

— Спасибо, я знаю принцип работы временного якоря, — холодно сказал Доктор, — но активировать его мне не удаётся.

— Конечно, — гордо фыркнул голубь. — Я же его заблокировал.

— Ну, так разблокируй, будь добр!

— Нет.

Доктор закрыл глаза и глубоко вдохнул.

— Слушай, та девушка, которую ты отправил в будущее, принадлежит этой эпохе. Оставляя её в будущем, ты создаёшь другую аномалию.

— Да, но через восемьдесят лет мы окажемся там и исправим это.

— Но то, что она ещё не вернулась, означает, что ты не исправил это через восемьдесят лет.

Голубь почесал затылок:

— Ты уверен, что это так работает? Темпоральные парадоксы никогда не были моим коньком. В теории я никогда не разбирался.

Доктор подавил в себе желание придушить маленького зонда.

— Тогда, быть может, ты познакомишь меня с членом своей команды, который разбирается?

— А... — голубь потупил взгляд.

У Доктора опустилось сердце. Неужели всё может быть ещё хуже?

— Что значит «А»?

— Пожалуй, я лучше покажу тебе.

Доктор стоял в маленьком парке и в полном отчаянии смотрел на путаницу растительного, животного и минерального, которая когда-то была остальной частью виргоанского симбиота. Деревья окружили яйцеобразный корпус корабля, их ветви протыкали его борта. Всё это, казалось, корчилось и дрожало; солнце блеснуло на коре, которая на мгновение показалась скорее металлической, чем органической, она ломалась и смещалась, сверкала как рыба чешуя, а затем стала твёрдой тёмной древесиной. Сам корпус растекался как тающий лёд или рассыпался, словно опадающие листья, а затем снова собирался, становился твёрдым и металлическим. Внутри Доктор разглядел пилота, неподвижного, приросшего (в прямом смысле) к своему креслу.

Голубь опустил на шляпу Доктору.

— Видишь в чём дело, начальник? Беспорядок, скажи?

— Чем, чёрт возьми, вы трое занимались?

Голубь прыгнул на землю.

— Мы засекли аномалию на Меландре IV, приземлились, чтобы осмотреться...

— И обнаружили, что Меландра IV сильно заражена криноидами, — Доктор закрыл лицо обеими руками.

— Да, как только приземлились, так сразу и заразились. Тут же запустился авто-ремонт, но каждый раз, когда мы пытаемся изменить форму, криноидная часть сопротивляется, — зонд вздохнул. — А аномалия оказалась всего лишь выброшенным андрогамским таймером для варки яиц, — голубю удалось нахмуриться. — До сих пор не знаю, откуда он там взялся?

Доктор подошёл к сплетению машины и растения. Он видел, как поверхность дрожала из-за проходившей на

клеточном уровне битвы за господство. На мутации отвечали контр-мутации, клетки симбиота превращались в клетки криноида и обратно. Существо задействовало для этого сражения всю свою энергию. Доктора поразило, что симбиот вообще смог добраться от Меландры до Земли; от напряжения он, должно быть, помешался. Только зонд остался невредимым.

Раздался птичий крик; обернувшись, Доктор увидел, что голубь пытается развернуть потерянную кем-то жевательную резинку. Что же, — поправил себя Доктор, — сравнительно невредимым.

Он хотел прочесть зонду лекцию о том, как опасно заносить криноидный организм на обитаемую планету, как вдруг заметил сидевшую по другую сторону от зарослей фигуру.

Оставив голубя возиться жевачкой, Доктор пошёл к сидевшему скрестив ноги человеку. Это был молодой человек двадцати с небольшим лет, одетый в форму смотрителя парка, хотя его сандалии и волосы до пояса явно не соответствовали предписаниям муниципалитета. Куртка молодого человека вся была в вышитых цветах, а на спине разноцветными нитками было вышито имя «Отто».

— Доброе утро. Я Доктор, — он приподнял шляпу, нахмурившись на полетевшие во все стороны голубиные перья. — А вы, как я понимаю, Отто.

Хиппи посмотрел на него.

— Привет, Доктор, — он показал рукой на симбиота. — Просто улёт! Пыхнешь?

Он протянул Доктору толстый косяк. Доктор покачал головой. Отто находился в большой опасности, но при этом, похоже, пребывал в блаженном неведении. Пока симбиоту удавалось сдерживать криноида, опасности не было, но если криноид одержит верх...

— Ты бы это видел, — Отто указал на огромное дерево, лежавшее в парке на боку. — Ходячие деревья, прикинь? Круче, чем Хэллоуин.

Доктор подошёл к свалившемуся стволу. По траве к дереву шла дорожка из земли и корней, а часть живой изгороди была раздавлена. Доктор медленно, задумчиво кивнул. Яма в земле. Пропавшее дерево. Криноидный разум посреди ночи стал сильнее и начал оживлять окружающую растительную массу.

У него было даже меньше времени, чем он думал.

Он снова повернулся к Отто и увидел, что голубь затягивается косяком. Нахлобучив на голову шляпу, Доктор решительно подошёл к ним и схватил птицу.

— Простите. Я очень спешу.

Не обращая внимания на возмущённые крики сжатого в руке голубя, он быстро ушёл из парка.

Отто провёл его взглядом:

— Просто улёт!

Эйс прикрыла окно остатками разбитых ставень. Не стоит демонстрировать своё присутствие сильнее, чем необходимо, уже готовый выход наружу может ещё пригодиться.

Она пошла по тёмному коридору.

Джо семенил следом.

— Куда мы идём?

— На другую сторону здания. Я его осмотрела снаружи и думаю, что мы ходили кругами в одном крыле. Давай осмотрим второе крыло.

Эйс шла по тёмным коридорам, Джо шёл следом. Теперь она уже неплохо представляла сложную планировку этого большого здания. Не удивительно, что Джо в нём заблудился.

Они свернули в очередной зал, и Джо схватил её за плечо:

— Слушай.

Эйс высвободила плечо:

— Что?

— Просто слушай.

Из конца зала доносилось гудение, размеренное и механическое, почти как биение сердца.

— Это то, что я тогда слышал.

— Ясно. Ну, хоть что-то нашли.

Они осторожно пошли на звук. От этой навязчивой пульсации у Эйс начала болеть голова.

— Это она, — указал Джо на тяжёлую дубовую дверь. — Я узнаю этот доспех.

Эйс дотронулась до двери. Дверь вибрировала. Эйс повернула ручку.

С громким скрипом дверь открылась вовнутрь. Комната за ней была залита таким же мягким сиянием, которое они видели в яслях, но здесь был оглушительный шум. Вдоль стен стояли похожие на гробы ёмкости, в каждой из которых лежало старческое тело. Шланги и кабели шли вверх по стенам, а затем по потолку к огромному комплексу висевшего там оборудования.

Под этим скоплением аппаратуры на небольшом возвышении стояло похожее на трон кресло. Тонкие шланги опускались к креслу с потолка, свешиваясь вокруг сидевшей в нём фигуры.

Эйс и Джо осторожно подошли ближе, зажимая уши руками, чтобы ослабить ужасный грохот.

Вдруг стало абсолютно тихо. Тишина была почти такой же оглушающей. Сидевший в кресле встал. Когда его глаза, жёлтые с вертикальной прорезью, как у кошки, бегло осмотрели Джо, тот едва не вскрикнул. Глаза тут же изменились, снова стали человеческими. Тёмными, кипящими злом, но тем не менее человеческими. Мужчина перевёл взгляд на Эйс.

— Юная сПатница Доктора! Какая приятная неожиданность.

Джо схватился за её руку:

— Ты его знаешь?

Эйс кивнула:

— Я его обычно называю «сволочь бородатая», но он, кажется, предпочитает, чтобы его называли Мастером.

Он медленно обошёл вокруг них. Его взгляд снова остановился на Джо.

— Почему ты здесь?

— Тебе лучше знать, мерзавец, — сказала Эйс.

— Я не у тебя спрашивал, — ответил он. — Номер Семь!

Эйс почувствовала, как державшая её за предплечье рука Джо вдруг словно затвердела. Он смотрел прямо вперёд. Смотрел в никуда.

— Докладывай! — рявкнул Мастер.

— Я... — в глазах Джо на мгновение появилось движение. Он был сбит с толку. — Я не знаю...

— Твой временной якорь уже дважды сбоил. Я должен знать почему.

— Там была птица... Голубь.

— Голубь! — в голосе Мастера появилась ярость.

— Он разговаривал... Он сказал что-то о...

— Сосредоточься, — прошипел Мастер.

— Темпоральные аномалии... А потом... появилась она... с низеньким человеком.

Мастер снова повернулся к Эйс.

— Слушай, приятель, я в таком же неведении, в каком, похоже, и ты, — сказала она.

Он на мгновение задумался.

— Да... — пробормотал он. — Да, я тебе верю. Однако я не верю, что то же относится и к твоему сующему повсюду нос другу Доктору.

Он принял решение.

— Отведи её в западное крыло, — сказал он Джо. — И не отпускай её.

— Джо... что ты?..

Джо обернулся и схватил её и за вторую руку. От его хватки было больно. Она не могла пошевелиться. Его глаза безучастно смотрели вперёд.

— Что вы хотите со мной сделать? — кричала Эйс, когда Джо тащил её к двери.

— Ничего, — ответил Мастер. — Я буду ждать. Раз ты моя пленница, Доктору скоро придётся раскрыть свои карты.

— Так вот какая она, ТАРДИС.

Тихий гул отсека управления дополняло непрекращающееся хлопанье крыльев кружившего вокруг Доктора голубя.

— Помолчи, — резко сказал Доктор. — Я пытаюсь сосредоточиться.

Он согнулся над встроенным в панель консоли экраном и нажимал кнопки.

— Раньше мне внутри никогда не доводилось бывать. Не могу сказать, что меня это впечатляет. Ты не возражаешь, если я загляну в твой временной ротор?

— Да, — сказал Доктор, — возражаю. Найди себе насест какой-нибудь.

Голубь описал по комнате последний круг и уселся на стоявшей в углу вешалке.

— А что ты делаешь? — спросил голубь.

— Пытаюсь найти второй временной якорь.

— Так что же ты сразу не сказал? — чирикнула птица. — Это я могу сказать. Я же твою подругу туда отправил, забыл?

Он перелетел на консоль и с невероятной скоростью начал стучать клювом по кнопкам. По экрану поползли цифры.

— Готово, босс, — сказала птица. — Заводи мотор, и дело в шляпе.

Доктор запустил дематериализацию.

— Джо... Джо, ты должен выслушать меня.

Они были в маленькой комнате с деревянными панелями на стенах. Единственное окно было закрыто решёткой. Джо, неподвижный и безучастный, стоял перед дверью. Когда он, по приказу Мастера, тащил её сюда, Эйс делала всё возможное, чтобы вырваться. Ей пришлось врезать ему коленом в пах во второй раз, гораздо сильнее, чем в первый. Ей показалось, что от удара что-то хрустнуло, но он даже не вздрогнул. Он этого не почувствовал. Доктор рассказывал Эйс о гипнотических способностях Мастера.

— Джо... Выслушай, пожалуйста. Он управляет тобой. Мастер управляет твоим разумом.

Ей показалось, или в глазах мелькнуло понимание?

Она попыталась ещё раз:

— Это всё неправильно. Ты не должен быть тут. Никто из нас не должен. Почему Мастер управляет тобой?

— Доктор Хитрос... Он... Я...

— Как ты его назвал?

— Он...

— Слушай меня. Твоё место не здесь. Тебя зовут Джо. Ты живёшь в квартире в Кройдоне, помнишь? У тебя на заднем дворе здоровенная яма.

— Нет... Я... Я... Номер Семь... — его голос, поначалу неровный, постепенно выравнивался. — Я Номер Семь. Моя задача — выполнить программу Хитроса.

— Нет... Послушай... — она опустила руку в карман его пиджака. — Я покажу тебе.

Должно же быть при нём какое-нибудь удостоверение.

Её рука нащупала что-то плоское, неправильной формы. Она выдернула руку — в кармане что-то запищало. Мелодия. «On Top of Old Smoky», надо же. Она снова засунула руку в его карман и вынула этот предмет. Она повертела его в руке. Это был пластиковый брелок в виде Йосемити Сэма. С одной стороны на неё взирал мультипликационный персонаж, а на

другой был рельефный логотип производителя: «Innovations Unlimited». Брелок играл мелодию.

Внезапно дыхание Джо стало напряжённым и неровным. Его взгляд бегал то на Эйс, то на музыкальную безделушку в её руках. Он пытался вспомнить. Его лицо начало проясняться... а затем внезапно помрачнело, его исказила внезапно нахлынувшая боль. Он схватился руками за пах. Издав протяжный стон, он опустился на пол.

Перепрыгнув через Джо, Эйс открыла дверь и выбежала из комнаты. Перед ней протянулся длинный мрачный коридор. В конце коридора была развилка. Не сильно задумываясь, Эйс свернула направо. Там была ещё одна развилка. Не дом, а лабиринт какой-то. Похоже, она окончательно заблудилась.

Нет... Вот кое-что знакомое. Картина на стене. Морской пейзаж. Она точно уже видела её. Это было там...

Она толкнула дверь слева. Её встретил бледный однородный свет. Успокаивающий гул машин. В колыбельках лежала дюжина малышей, к которым подходили трубки.

Вдруг раздался звук материализации ТАРДИС. Обернувшись, она увидела появляющуюся в конце коридора знакомую синюю будку. Дверь раскрылась и из неё, расправляя мятую панаму, вышел Доктор, а вокруг его головы возбуждённо хлопал крыльями голубь.

— О божечки, — верещал голубь. — Не может этого быть. Я аномальный! Я сбит на восемьдесят лет. Меня за это накажут. Это серьёзное нарушение профессиональных обязанностей.

— Доктор! — крикнула Эйс, не обращая внимания на птицу, — что, чёрт возьми, происходит?

— А, — сказал Доктор, — а я надеялся от тебя об этом услышать.

Мимо них медленно прошла пожилая женщина, отмеряя коридор своей рамой-ходилкой. Доктор с озадаченным видом

приподнял шляпу. Бабулька, похоже, не заметила ни его, ни Эйс.

— Тут Мастер, — сказала Эйс.

Лицо Доктора помрачнело. Он раздражённо хлопнул птицу шляпой.

— Но теперь он называет себя как-то иначе, — продолжала Эйс. — Думаю, он выдаёт себя за какого-то доктора. Не знаю. Тут полно стариков, это что-то вроде дома. И посмотри...

Она открыла дверь, за которой спали малыши. Доктор зашёл в комнату и подошёл к ближайшему младенцу.

— Спит, — пробормотал он.

— Да, но... — Эйс указала на трубку, подходившую к ручке малыша.

Доктор осмотрел трубку, проследил её до подвешенного на стене чёрного пластикового контейнера, на котором мигали цветные огоньки. Отсоединив трубку от контейнера, он макнул в её содержимое палец и попробовал на вкус.

— Питательные вещества, — сказал Доктор.

— Питательные вещества?

— Примерно те, которые обычно содержатся в грудном молоке, я думаю. Мы на восемьдесят лет в будущем относительно твоего времени, Эйс, так сейчас вскармливают детей. В этом нет ничего ненормального.

— Я думала, что их усыпили...

— Да, немного успокоительного там, наверное, тоже есть. Ещё одна обычная для этой эпохи практика. Это не вредно.

— Но с чего бы это Мастеру управлять яслями?

— Или домом для престарелых. Не знаю, Эйс. И меня это беспокоит. Кстати, а где наш друг из Кройдона?

— Джо... Я оставила его на полу в одной из комнат. Он... немного пострадал. Он поправится. Им управляет Мастер.

— Ясно... — он затолкал шляпу в карман. — Думаю, нам стоит немного прогуляться тут, что скажешь?

— Это здесь, Профессор.

Они стояли у тяжёлой двери в комнату с гробами. За дверью по-прежнему тихо гудело оборудование — единственный звук в тихом здании. Рядом с ними по стойке смирно молча стоял доспех.

— Он был там... — прошептала Эйс, медленно поворачивая ручку двери. Замок громко щёлкнул.

— Тише, Эйс, — прошептал Доктор, пытаясь обойти вокруг неё. — Давай, лучше я...

Он споткнулся, налетел на доспех (тот опрокинулся на стену с грохотом, который эхо понесло по коридору) и наткнулся на Эйс. Дверь распахнулась, и Эйс ввалилась вовнутрь.

— Всё в порядке, — сказала она после короткой паузы. — Тут никого нет.

И действительно, не было никого, кроме лежавших в гробах вдоль стен древних тел. Доктор бегал от одного гроба к другому.

— Ужасно, — бормотал он себе под нос. — Просто ужасно.

— Они мертвы? — спросила Эйс.

— Нет, — ответил Доктор. — Но они едва живы. Я им ничем не могу помочь, — его глаза сузились. — Это непотребство.

Недовольно цокая языком, он проследил провода и трубки, отходившие от гробов, извивающиеся по потолку, а затем исчезающие под металлической крышкой и снова появляющиеся и спускающиеся к спинке стоявшего в центре комнаты «трона», на котором сейчас никого не было.

— Типично для Мастера, — сказал он. — Грандиозный замысел гадкой машины.

— Что он тут делает?

— Он извлекает из этих бедняг определённые жизненно важные жидкости — энзимы, протеины и тому подобное. Видимо, он направляет эти жидкости в себя. Похоже, он может контролировать скорость, с которой они производят то, что ему нужно, и отливает это себе по мере надобности. Он болен.

— Доктор, его глаза... Они были... какое-то время другие. Знаешь, как тогда, на планете гепардов.

— Да, это многое объясняет. На него до сих действует вирус гепардов. Наверное, он уже на довольно запущенной стадии. Поэтому старики предоставляют ему то, что ему нужно.

— Но причём тут тогда дети?

— Я не знаю, Эйс, — его голос напрягся. — Я просто не знаю.

— Вы посмотрите-ка, что тут! — прервал их разговор голубь. — Всем якорям якорь!

Он был в дальнем конце комнаты, порхал вокруг огромной чёрной машины, похожей на цилиндр с вершиной уже дна, полностью занимавшей один из углов комнаты. Доктор подошёл туда, чтобы осмотреть её.

— О чём это он щебечет? — спросила Эйс.

— Это временной якорь, Эйс. Такой же, но поменьше, есть в Кройдоне, в квартире нашего друга. А это, похоже, центральное управление большого числа якорей. Что же он затеял?

Дверь со скрипом раскрылась. Доктор и Эйс резко обернулись.

— Эйс... — в двери, пошатываясь, стоял Джо.

— Ах да... — Доктор поспешил ему навстречу, протягивая руку. — Джо, не так ли? Я Доктор, — он энергично тряс руку Джо, одновременно внимательно глядя в его глаза.

— Кто-нибудь, объясните мне, что происходит...

— Да... — задумчиво сказал Доктор. — Все признаки глубокого гипноза. Тем не менее, что-то, похоже, пересилило

программирование. Боюсь, мы попали в очень непростую историю. Я постараюсь всё исправить, но мне нужна ваша помощь. Эйс...

Доктор говорил быстро, не переставая при этом обдумывать ситуацию. Голубь в это время хлопал крыльями и тыкал клювом в массивный временной якорь. Машина издала громкий электронный звук, за ним последовал крик птицы.

— Оставь его, ради бога, в покое!

— Я аномальный, вы что, не понимаете? — щебетала птица. — Может быть, я смогу с его помощью вернуться в правильное время, ничего об этом никому не расскажу, вдруг пронесёт.

— Думаю, у тебя есть гораздо более серьёзные причины для беспокойства. Ты не забыл о состоянии своего корабля и пилота?

Он повернулся к Эйс.

— Есть ещё одна проблема, — сказал он. — Инопланетная форма жизни, растительное существо под названием «криноид». С инфекцией борется не только Мастер.

— Что?

Иногда Эйс в словах Доктора ничего не понимала.

— Вопрос в том, как мне разобраться и с тем, и с другим...

Он начал рыться в ёмких карманах своего пиджака.

— Думаю, — бормотал он, — думаю, будет лучше, если я попытаюсь решить все проблемы сразу.

Он вынул старые карманные часы, а затем ещё одни, такие же.

— Эйс, — сказал он, — я хочу попросить тебя и Джо сделать нечто довольно опасное.

Десять минут спустя Доктор прятался между двумя гробами. Голубь сидел у него на колене, рукой Доктор крепко зажал его клюв.

Кто-то открыл дверь и зашёл в комнату. Доктор мрачно усмехнулся: Мастер.

Доктор наблюдал за тем, как его старый враг настраивает временной якорь. Якорь начал издавать высокий, едва слышимый звук. Воздух перед ним словно задрожал и... словно из ниоткуда возникла женщина. Она была среднего возраста. Судя по одежде — типичная британка конца двадцатого века. А вот её поведение сильно контрастировало с её внешним видом. Широко раскрытыми пустыми глазами она смотрела вперёд. В руках она держала грудного ребёнка. Она неподвижно стояла там, где появилась.

— Продолжай, номер Двенадцать, — сказал Мастер.

Даже не взглянув на него, женщина понесла ребёнка к двери и вышла из комнаты.

Мастер подошёл к своему креслу-трону и набрал что-то на панели управления. Доктор почувствовал, что гробы рядом с ним начали гудеть и слегка дрожать.

— Что, пора принимать лекарство? — сказал Доктор, вставая и подходя ближе. — И как это называется? — он указал на гробы. — Кот среди голубей?

Мастер немного задумался, а потом повернулся к своему старому врагу с тёплой улыбкой на лице:

— Кот среди голубей... О да, очень хорошо. С тобой всегда приятно общаться, Доктор, — широко улыбнулся он.

— Не могу сказать о тебе того же, — сказал Доктор. — Что ты тут делаешь?

— Я тут на пенсии, — сказал Мастер.

— Как эти бедолаги в гробах? — резко сказал Доктор. — За этим они сюда пришли? Рассчитывали на спокойную старость?

Мастер добродушно рассмеялся:

— Я не получил ни одной жалобы, Доктор. Наоборот, у меня очередь из нескольких сот людей. Они стремятся попасть сюда.

— Чтобы их скормили этой штуке, — сказал Доктор.

— Чтобы исполнилась мечта всех мужчин и женщин, Доктор. Чтобы начать всё сначала. Получить шанс прожить свою жизнь снова.

— Что ты хочешь этим сказать? Что ты делаешь? — в голосе Доктора была угроза.

Мастер прошёл на другой конец комнаты и открыл шкаф.

— Пользуюсь плодами своей знаменитости, — сказал он. Развернувшись, он протянул Доктору журнал. — Я попал на обложку «Тайм».

— Ну-ну, — сказал Доктор, листая страницы. — «Доктор Говард Хитрос»... — чем больше он читал, тем мрачнее становилось его лицо. — И люди этому всему верят?

— Ну конечно, Доктор. Люди боятся смерти. Они приходят сюда старыми, а я делаю их снова молодыми.

— Что за глупости! — сказал Доктор. — Даже повелители времени не могут обратить эффекты старения.

— И тем не менее, Доктор, они ведутся как дети, едут ко мне, чтобы прожить жизнь ещё раз. Самый современный анализ ДНК подтверждает мою правоту.

— Это ещё хуже, чем я думал, — сказал Доктор. — Ты похищаешь их младенцами и переносишь их в это время, чтобы скрыть тот факт, что ты убиваешь их стариками.

— Я обеспечиваю практичное решение проблем этой эпохи. Я даю надежду отчаявшимся. Ты знаешь, ко мне обращаются всё более и более молодые люди. У мужчин появляется животик, у них начинается облысение — и они приходят ко мне. Разумеется, на данный момент у меня есть разрешение только на работу с престарелыми, но я веду переговоры с правительством. В кои-то веки закон на моей стороне.

— Мне, разумеется, придётся остановить тебя, — сказал Доктор.

— Конечно, конечно, — улыбнулся Мастер. — Кстати, а где твоя юная подруга и мистер Дейкин?

— Я отправил их обратно, — сказал Доктор.

— Как это любезно, — сказал Мастер. — Номеру Семь нужно кое-что там сделать.

Он обвёл рукой спартанскую обстановку лаборатории:

— Прости, что не предлагаю тебе сесть. Может быть, перейдём в более комфортное помещение? Быть может, выпьем по бокалу хереса?

— Я сяду здесь, — сказал Доктор, устраиваясь на футуристическом троне. — А ты сходи за хересом.

Мастер напрягся:

— Вон оттуда, Доктор!

Доктор начал что-то менять в настройках трона.

— Доктор...

Вдруг Мастер резко отвернулся от маленького повелителя времени. Его дыхание участилось.

— Тебе нужно кое-что знать о моём недуге, — сказал он. — С каждым днём его всё труднее сдерживать, всё сложнее контролировать. Во время стресса инстинкту хищника становится невозможно противостоять.

Он снова повернулся к Доктору, и его глаза горели кошачьей злобой: узкие чёрные щёлки на жёлто-зелёных кругах.

— А ты же знаешь, Доктор, как много в моей жизни стрессов, — прорычал он.

Он бросился на Доктора, и тот спрыгнул с трона. Мимо его лица взмахнула рука — когтистая рука с жёлтым мехом. Он покатился по полу и вскочил на ноги, одновременно разворачиваясь. Мастер тут же прыгнул на него, его улыбка стала свирепой, из уголков рта капала слюна, зубы стали острые. Взмахнув лапой, он отбросил Доктора на стену. Тут же последовал ещё один удар, после которого Доктор полетел через всю комнату на другую стену.

Он играет со мной, — подумал Доктор. Как кошка с мышкой.

Сидя на одном из гробов, в которых лежали столь близкие к смерти старики, голубь переминался с ноги на ногу, временами хлопал крыльями и постоянно вопил, давая советы.

— Не забывай защищаться, — чирикал он Доктору. — Врежь ему как следует! Шевелись, давай!

Доктор бросил на виргоанина недовольный взгляд. Похоже, его умственные способности ухудшаются. Доктор нащупал карманные часы. Он очень надеялся, что голубь вспомнит, что нужно делать, когда наступит время.

Он собрался с силами, готовясь к очередному нападению Мастера. Он удивлялся, что всё ещё жив. Он не знал, как долго ещё сможет противостоять зверю, но он должен был дать время Эйс и Джо.

— Вверх и вниз! — вякнул где-то за его спиной голубь. — Внимание всем постам!

Он обернулся. Мастер приближался к нему, его обнажённые когти сверкали.

Джо сидел на краю своего дивана и трясущимися руками прикуривал сигарету. В комнате по-прежнему были следы разрушительного присутствия голубя. Повсюду валялись книги и помёт. Значит, кошмар ещё не закончился. Девушка всё ещё была тут.

— Слушай, некогда нам расслаживаться, — сказала она, посмотрев на карманные часы. — Доктор нам дал пятнадцать минут. Нам нужно добраться до парка.

— Я ничего не понимаю, — простонал Джо.

— Всё довольно просто. Нам нужно попасть в парк и найти там гигантскую брюссельскую капусту. Профессор считает, что при помощи оборудования Мастера сможет отделить её от симбиотического корабля, а мы должны этот корабль туда доставить. Иными словами, мы должны схватить

его — вернее, ты должен — в тот самый момент, когда Доктор включит временной якорь, чтобы утянуть тебя обратно в будущее. Просто. Тебе что, плохо?

Всё ещё качая головой, Джо позволил поднять себя с дивана и вывести из комнаты, а затем на улицу.

— Эта штука, которую мы... я... должен взять, она опасная?

— Выходит, что да, — сказала Эйс. — Задержись возле неё надолго, и она тебя слопаёт. В какой стороне парк?

Несколько улиц они прошли молча. Джо держался на ногах увереннее, чем раньше, но был рассеянным. Эйс не могла винить его в этом.

— Тут налево, — неожиданно сказал Джо.

— Но мы проходили мимо указателя, а на нём...

— Это срезка, — оборвал её Джо и быстро пошагал по улице.

Эйс, чтобы не отставать, приходилось бежать трусцой. Затем Джо побежал.

— Не так быстро! — отставая, крикнула Эйс. Что-то было не так.

Она увидела, что Джо свернул в какую-то дверь. Над дверью была табличка: «Мэдоуз: ясли и детский сад». Когда она тоже вбежала в дверь, он уже ровным, спокойным голосом разговаривал с администраторшей:

— Да, к сожалению, моя жена приболела. Она позвонила... Конечно, я хотел зайти сюда и раньше.

Пока он говорил, он не переставал смотреть на женщину и улыбаться.

— Передавайте вашей жене привет, мистер Норрис, — ответила администраторша. — Она такая очаровательная женщина... А вот и ваш малыш.

В дальнюю дверь зашла женщина, несущая на руках ребёнка.

Эйс не знала что и думать. Как они могли вот так отдать ребёнка?!

— Нет! — закричала она, вспомнив спавших детей, подключённых к трубкам и проводам.

Она бросилась вперёд и выхватила ребёнка из рук женщины. Резко развернувшись, она выбежала через главную дверь, прижимая плачущий свёрток к груди.

Её ноги громко стучали по тротуару. Рискнув оглянуться, она увидела Джо. Он стоял у входа в детский сад и растерянно смотрел по сторонам. За ним, размахивая руками, выходили на улицу работницы детского сада. Через секунду Джо её увидел и побежал.

Ей пришлось бежать от него в парк. Что она там будет делать, она не знала. Она помчалась на другую сторону улицы. Загудели клаксоны, один водителей что-то ей прокричал.

Парк был уже близко. Она увидела высокую ограду — слишком высокую, не перелезешь. Вдали она видела ворота парка, а позади себя — бежавшего за ней Джо.

Она бросилась в открытые ворота и остановилась как вкопанная. Там, за широким газоном, была тёмная густая группа деревьев, которые словно... боролись друг с другом... Должно быть, это и есть этот криноид.

Из-за изгороди доносились шаги бегущего Джо. Она побежала через газон и перепрыгнула хиппи, сидевшего возле этих пульсирующих зарослей.

— Эй, остынь... — сказал ей хиппи.

Она нерешительно приблизилась к деревьям. В сплетении стволов и веток проглядывала более плотная масса. Эйс это напоминало ускоренную видеозапись роста растений, которую показывали по телевизору. По поверхности этого предмета проходили волны плотной растительной массы. Время от времени сквозь зелень проглядывали яркие металлические,

почти кристаллические споры, а затем их скрывала новая зелёная волна.

Она пошла между деревьями и кустами, которые обступили этот объект, тянулись к нему, обхватывали его и сливались с ним.

Джо её уже почти догнал. Прижав к себе ребёнка, она бросилась в заросли. Забежав за очередное дерево, Эйс попыталась отдышаться. Здесь у неё было преимущество — она была меньше и ловчее. Она достала из кармана часы. Осталось меньше минуты. Она попятилась к криноиду.

Джо снова и снова бросался на неё, а она уклонялась. Он оказался между ней и бушевавшей среди деревьев инопланетной битвой. Она шагнула назад, но упёрлась спиной в толстую стену из коры и листьев. Всё вокруг сжималось. Деревья сближались, её толкало к Джо. Внезапно оказалось, что ей некуда деться.

Доктору было некуда деваться. Он был загнан в угол между двумя гробами. Он устал, у него текла кровь. Мастер — то, что осталось от Мастера — дико оскалился. В таком состоянии он был гораздо быстрее Доктора и гораздо сильнее.

Мастер бросился вперёд. Оставалось лишь одно. Доктор бросился врагу под ноги, а упав на пол, укатился вправо, под гроб. Мастер недовольно зарычал, взмахнув лапой по пустому пространству.

Доктор был уже на четвереньках, он быстро лез и полз между рядами гробов, раздвигая руками свисающие провода и трубки. Мастер, несмотря на повисившуюся ловкость, был крупнее Доктора. Он шёл вдоль ряда гробов, мурлыча с тихой злобой, как охотник, ждущий пока его добыча выйдет из укрытия.

Времени больше не было. Доктор прекрасно понимал намерения Мастера. Но ему всё равно нужно было действовать сейчас. Ради Эйс. Ради Джо. Он пробирался от гроба к гробу,

пока не приблизился как можно ближе к временному якорю. Мастер следовал за ним. Теперь всё зависело от птицы.

— Давай! — крикнул он.

— Что? А, понял, босс!

Голубь взлетел, взмахнув крыльями, дважды быстро облетел всю комнату и уселся на подлокотник кресла Мастера. Его лапы бегали по пульту управления. Замигали огоньки, и машина начала гудеть. Злобно зашипев, Мастер развернулся и прыгнул к своему трону. Когтистыми лапами ему было тяжело нажимать на кнопки. Голубь взлетел.

Отлично. Доктор выкатился из-под гроба и побежал к временному якорю. Он осмотрел органы управления. Не было времени действовать аккуратно. Он начал лихорадочно нажимать на кнопки — максимальный радиус действия, максимальная мощность — и машина включилась.

У него за спиной зарычал Мастер. Он смотрел на Доктора и по-кошачьи прыгнул вперёд.

Эйс могла сделать только одно, и она не хотела это делать.

Прижимая ребёнка к груди, она с криком побежала вперёд и врезалась в Джо. Втроём они упали, зацепившись за корни, упали прямо во внутренности инопланетной машины и её растительного паразита.

Раздался резкий треск, вспыхнул ослепительный свет. Она почувствовала прилив тошноты, мир завертелся вокруг неё.

Отто сидел, скрестив ноги, там же, где он просидел большую часть дня. Рядом стояла его газонокосилка. По деревьям, как по психоделическому озеру, шли волны.

Внезапно деревья вспыхнули ярким светом. На мгновение все заросли охватило ослепительное сияние. Когда пятна в его глазах исчезли, у него от удивления раскрылся рот. Он пополз

по траве вперёд. Там, где до этого были заросли, теперь была только яма. Корни, ветви — всё исчезло. Посмотрев вниз, в провал в земле, он увидел выходящие из глины дренажные трубы, уходящие в другую стену ямы.

— Ну ни фига се... — протяжно сказал он. — Офигеть...

Напряжение момента было прервано неистовым хлопаньем крыльев. От неожиданности Доктор отпрянул назад. Его преследователь остановился как вкопанный. Голубь был у Мастера на лице, он бил его крыльями, хватал лапами, клевал.

Этого мгновения Доктору было достаточно. Он обполз вокруг временного якоря под относительную защиту гробов. Обернувшись, он увидел, как кошачья лапа взмахнула, и голубь отлетел на пол.

Воздух в комнате начал дрожать и искривляться. План Доктора заработал. Начали появляться люди — плотный мужчина в деловом костюме, женщина-полицейский. Они растерянно оглядывались по сторонам. Шесть человек, затем ещё. Они продолжали появляться. Мастер смотрел то на одного, то на другого, на его уже едва человеческом лице была ярость.

В царившей в комнате сумятице прозвучал низкий гул, скрип, треск, звуки раскалывающегося камня и разрываемого металла. Вся внешняя стена лаборатории на мгновение вспучилась, а затем рассыпалась на куски. На её месте появилась бурлящая растительная масса, переплетённая текущими во все стороны струйками металла. Вокруг неё извивались зелёные щупальца, разбивавшие оборудование. Бушевала битва между растением и машинным существом.

Первым, что почувствовала Эйс, когда мир снова стал реальным, была острая боль в спине. Она лежала в кусте роз.

Джо лежал под ней, свернувшись калачиком. Ребёнок был по-прежнему у неё на руках. Он начал плакать.

— Идём, — сказала она Джо, вставая на ноги.

— Что?.. Где?..

— Ой, да ну тебя! — сказала она.

Некогда было нянчиться с Джо. Ей нужно найти Доктора. Ей нужно пристроить где-то малыша.

Рядом с ними рвал себя на части криноидо-виргоанский гибрид. Он материализовался в стене, от которой теперь осталась только груда обломков. Может быть, она сможет перелезть через эту кучу...

— Ваяк!

Возле неё хлопала крыльями птица. Покрытый кирпичной крошкой голубь неуверенно описывал вокруг неё круги.

— Где Доктор? — заорала она на птицу.

— Ваяк! — последовал ответ. Птица вошла в крутое пике и врезалась в землю.

— Отлично, — пробормотала Эйс, оглядываясь по сторонам.

В нескольких метрах от неё был неработающий декоративный фонтанчик. Придётся воспользоваться им. Она поднесла туда малыша и аккуратно опустила его в сухую раковину.

— Всё будет хорошо, — прошептала она.

Она снова повернулась к дому и к инопланетной аварийной бригаде. Она пыталась пройти к разрушенной стене, разглядеть что-нибудь в темноте, открывавшейся в проломе лаборатории.

Земля под ней задрожала. Почва вспучилась, и Эйс не удержалась на ногах. Под газонами имения пробежала волна, которая разрывала их на части. Земля позади неё раскалывалась, и Эйс почувствовала, что падает, судорожно цепляясь за землю и щебень; пропасть поглощала её. Она свалилась на сплетение корней и электрических кабелей и вздрогнула, когда некоторые из них просвистели у неё над

головой и сплелись друг с другом. Если один из этих кабелей порвётся...

Разрыв в земле расширялся. У неё перехватило дыхание, когда в расщелину скользнул каменный фонтан. Она отчаянно пыталась прорваться к нему, но на пути у неё были спутанные корни.

— Прости... — прошептала она, размазывая по щекам грязь и слёзы.

— Ты как там внизу, а? — голос, одновременно старый и молодой, с ленивой гнусавостью. На неё сверху смотрел старый садовник-хиппи Отто.

— Смотри, что я нашёл, — продолжал он. — Улёт...

У него в руках был ребёнок.

Сердце Эйс забилося сильнее.

— Уноси отсюда ребёнка! — закричала она.

— Остынь, — гнусаво сказал Отто. — Остынь.

В лаборатории события развивались быстро. Среди этой неразберихи разум Мастера, похоже, постепенно отключался и сосредотачивал остатки своих ресурсов на одном. Он не сводил глаз со своего старого врага: больше его, похоже, ничего не интересовало. Он залез на край одного из гробов, а затем сильно прыгнул. Доктор пытался убежать. Коготь прошёл по его спине как лезвие, разрезав пиджак, свитер, рубашку, кожу. Вначале он почувствовал влагу собственной крови, а затем медленно пришла боль. Он упал на пол и перевернулся на спину. Мастер нагнулся над ним. Всё его тело изменило форму. Его туловище удлинилось, спина изогнулась дугой. Он легко перемещался на четвереньках.

На его лице не осталось ни капли разума.

— Постой... — быстро заговорил Доктор, понимая, что от его слов зависит его жизнь. — Подумай об этом. Посмотри на себя. Сколько раз ещё ты сможешь это пережить? Сколько раз до того, как зверь пересилит тебя навсегда? С каждым разом он

становится сильнее... ты сам так сказал. Может быть, это и есть последний раз?

Существо, похоже, сомневалось. Его горячее, вонючее дыхание обдавало лицо Доктора. Его когти были в нескольких сантиметрах от горла повелителя времени.

— Я знаю, как сильно ты хочешь моей смерти, как сильно ты всегда хотел моей смерти, но подумай. Разве это то, чего ты ждал так долго? Это же не месть. Это даже не жестокость. Это просто зверство. А что если я — твоё последнее связующее звено? Если ты убьёшь меня будучи диким животным, это звено может оказаться разорванным. Может быть, тебе уже не вернуться. Ты меня слышишь? От тебя хоть что-то осталось?

Толстые, покрытые мехом пальцы существа лежали на горле Доктора, когти впились в его кожу, выпустив маленькие капельки крови. Оно могло разрезать Доктора как масло.

Но оно сомневалось. В тёмных щёлках-зрачках на фоне кровожадности промелькнула что-то ещё.

— Сопровствляйся... — просил Доктор.

С рёвом оно бросилось на другую сторону комнаты, с лёгкостью перепрыгивая мечущиеся щупальца криноида, и запрыгнуло на кресло, стоявшее в центре механизма питания. Его когти метнулись к пульту управления. Машина включилась. Трубки начали наполняться жидкостью. Гробы слегка задрожали. Доктор закрыл глаза: эти бедные обречённые люди...

Кресло Мастера охватил свет. Шерсть укорачивалась, словно заползала в кожу. Его глаза теряли животный блеск, становились нормальными.

— Гарт! — крикнул он. — Гарт!

— Сюда, мистер Спенсер. Вот так. Опять ушли гулять без спросу?

У Гарта был хороший день. Ему нравилось работать на доктора Хитроса, водить машину, быть своего рода телохранителем. Но особенно ему нравилась эта часть его работы — приглядывать за старичками. Он направил старика в большую, приятную комнату. Старики сидели там в удобных креслах. Подоконники были заставлены цветами. В конце комнаты работал большой телевизор, его громкость была немного излишней.

— У всех всё в порядке? — крикнул он.

Странная была из него нянька. Его белоснежная униформа резко контрастировала с покрытым шрамами лицом и с тюремной стрижкой, от которой он так и не отказался. На поясе белая ткань оттопыривалась в том месте, где у него висел пистолет.

Эта часть его работы вызывала у Гарта особую ностальгию. Он начинал свою криминальную карьеру именно с ограбления пенсионеров. Хитрос всего лишь продолжал эту старую добрую традицию, просто он делал это чертовски изощрённо. Содержи стариков здесь, корми их, а затем кладёшь их в ящики и высасываешь из них жизнь. А правительство за это деньги платит.

Ему это нравилось. Насилие, мгновения ужаса — они ушли из этого преступления. И с возрастом он начал одобрять это. Старикашкам тут было хорошо, до самого конца. Никто из них даже не знал где они — столько в них было медикаментов.

— Пора всем принимать таблетки! — крикнул он на всю комнату.

Отперев крепкий деревянный шкаф, он начал вынимать из него пузырьки с таблетками. Насвистывая, он откручивал их крышки и высыпал содержимое небольшими кучками на стол.

— Ну что, кто первый?

Он распечатал герметичный пакет и вынул из него стопку пластиковых стаканчиков. Он выстроил их в линию и налил в каждый стерильной воды из бутылки. Затем пошёл от кресла к

креслу, вкладывая по таблетке в каждый рот, поднося к дрожавшим губам стаканчик.

Святое причастие, — мрачно подумал он. Отпевание.

Вдруг позади него увеличилась громкость телевизора. От неожиданности он вздрогнул и пролил воду на рубаху старика. Каналы постоянно менялись, изображение плыло.

— Та-ак, — сказал он, и в его приторный голос закралось нетерпение, — кто взял пульт управления? Ну же... Кто из вас, придурков, на него сел? — бормотал он себе под нос.

Он выключил телевизор и вернулся к столику.

— Та-ак... — он уже начал выходить из себя. — Кто их взял?

Почти треть лежавших на столе таблеток пропала.

— Кто...

Позади него снова заорал телевизор.

— Эй!

Рядом с телевизором никого не было.

Пульт лежал на подоконнике.

Ни один из старых ублюдков не мог...

От столика исходил причмокивающий звук. Гарт обернулся и успел заметить, как рядок таблеток исчезал под лакированной поверхностью. Поверхность стола немного шевелилась. Он жрал таблетки.

Стол жрал таблетки.

Грохот за спиной заставил Гарта обернуться. Один из цветочных горшков упал с подоконника. Плющ. Его лианы извивались на ковре, удлинняясь прямо на глазах. Они обвили основание стоявшего в углу пылесоса. В ответ на это аппарат включился и тут же покатился вперёд, поверх растения. Лианы плюща застряли в роликах пылесоса, и их потащило по полу, затягивая в гудящую машину.

На одной полке календарь схватился в смертельной схватке с лампой.

Это сумасшествие какое-то. Он вынул из чехла на поясе рацию и нажал кнопку вызова:

— Доктор Хитрос... Доктор...

Он вскрикнул от внезапной боли в запястье. Какое-то большое растение-бонсай, которое раньше росло себе тихонько у стены, выбросило жёсткую ветвь, и та обернулась вокруг его запястья как колючая проволока. Кончики этой ветви, похоже, хотели добраться до рации, трещащей и шипевшей в его руке. Корпус рации становился горячим. Гарт бросил рацию и высвободил руку.

Он выбежал из комнаты. Где Хитрос?

В коридоре мигали лампы, из розеток сыпались искры. Покрытые деревянными панелями стены изгибались. Он впервые обратил внимание на тихий гул. Судя по звуку, где-то в доме шла война.

— Гарт! — донёсся сверху рёв. — Гарт!

Его работодатель в лаборатории, зовёт его во всю глотку. Гарт вынул пистолет и помчался на голос хозяина.

Доктор понимал, что у него осталось мало времени. Битва, разразившаяся между двумя инопланетными формами жизни, разрушала лабораторию. Гробы лежали разбитые, тела из них выкатились на пол. Загипнотизированные мужчины и женщины, которых перебросило на восемьдесят лет, всё ещё бродили туда-сюда, ничего не понимая. Доктор жадно смотрел на временной якорь, изучая его сложное управление. Он начал нерешительно изменять настройки.

— Что ты делаешь?

Обернувшись, он увидел стоявшего позади него слегка покачивающегося Мастера. Все следы кошачьего вируса, похоже, временно исчезли. В руке у него был нацеленный на Доктора пистолет.

— Отойди, — спокойно сказал Мастер.

Немного посмотрев на него, Доктор снова занялся временным якорем.

— На это нет времени. Криноид побеждает. Я не могу ему это позволить. Если я перепрограммирую эту штуку, то смогу вышвырнуть его из существования.

— Я сказал, отойди от машины, Доктор.

Доктор повернулся и посмотрел в глаза своего врага.

— Подумай, — сказал он. — Ты не хуже меня знаешь, что значит для Земли криноидное заражение. Посмотри, что оно с твоей лабораторией сделало. Оно положило конец твоим гадким делишкам, а если я его не остановлю, оно прикончит и тебя. Оно всех нас прикончит.

Немного поколебавшись, Мастер спрятал пистолет во внутренний карман пиджака.

— Что ты пытаешься сделать? — спросил он, подходя к машине.

— Если я смогу обратить...

— Да, да... — сказал Мастер, нажимая на кнопки. — Конечно...

Дверь загрохотала: Гарт прикладывал силу, чтобы открыть её, сдвинуть подпиравшие её обломки стен. Он ввалился в хаос лаборатории, тыча во все стороны пистолетом, держа палец на спусковом крючке.

— Что происходит? — потребовал он.

Позади него загрохотал лабораторный стол, который вытолкнула внезапно выросшая там растительная масса. Обернувшись, он увидел зелёную стену и набрасывающиеся на него щупальца. Он выстрелил. Существо этого даже не заметило. Ветви опутали его руки, ноги, шею. Он выстрелил ещё раз, а потом закричал и упал.

Услышав крик, Доктор быстро взглянул на Мастера. У того смерть сПатника не вызвала никаких заметных эмоций. Доктор на мгновение закрыл глаза, а потом вернулся к своей работе.

Они работали согласованно, их действия были синхронны.

Битва в лаборатории стихала. Похоже, от виргоанского симбиота уже ничего не осталось. Всё было покрыто зеленью. Криноид победил.

— Готов... — сказал Доктор.

— Готов, — последовал ответ.

— Включение...

В комнату вскочила Эйс.

— Что вы делаете? — крикнула она.

Доктор на мгновение прикрыл глаза.

— Эйс, — сказал он, — не сейчас. Спрячься.

— Ты что собрался сделать?

— Отправить эту тварь в вихрь времени.

— Нет, остановись! — она протиснулась между Доктором и Мастером. — Не надо!

— Не мешай, девчонка, — резко сказал Мастер и грубо оттолкнул её. — Давай, Доктор.

— Нет!

— ДОКТОР... — среди развалин комнаты гудел новый, низкий, успокаивающий голос. — УВЕРЯЕМ, В ЭТОМ НЕТ НЕОБХОДИМОСТИ. МЫ БОЛЕЛИ. ТЕПЕРЬ МЫ СНОВА ЗДОРОВЫ.

Оба повелителя времени непонимающе вертели головами по сторонам. Говорил не криноид.

— Простите, — сказал Доктор, — но кто...

— МЫ ВИРГОАНСКАЯ МИССИЯ.

— Но...

— МЫ АДАПТИРОВАЛИСЬ, ДОКТОР. КАК ВЫНУЖДЕНА РАДИ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ АДАПТИРОВАТЬСЯ ЛЮБАЯ ЖИЗНЬ.

— Вы...

— КАК ТЫ ЗНАЕШЬ, ДОКТОР, МЫ ВИД, МЕНЯЮЩИЙ ОБЛИК. НАМ ПРОСТО НУЖНО БЫЛО

ПРИДУМАТЬ КАК ПРЕВРАТИТЬ СЕБЯ В РАСТИТЕЛЬНУЮ МАССУ. МЫ СОЖАЛЕЕМ, ЧТО НА ЭТО УШЛО СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ.

— Так значит криноид...

— ПОГЛОЩЁН, ДОКТОР. ПЕРЕВАРЕН.

Доктор не знал, что и сказать.

— Видел бы ты голубя, — усмехнулась Эйс. — С ним Отто во дворе разговаривает. Самая болтливая монстерра из всех, которых я видела.

Уход Мастера, как всегда, никто не замечал до тех пор, пока уже ничего нельзя было поделать.

Доктор повернулся к нему, чтобы отключить якорь времени, а его уже не было.

Доктор решил, что обыскивать дом бесполезно.

— Он слишком хорош в такого рода делах. Умеет стать незаметным, когда расклад не в его пользу. У него большой опыт. Теперь нам его не поймать. Кроме того, у нас есть более важные заботы. Для начала, есть Джо и другие люди, которых загипнотизировал Мастер. Он это делал очень тщательно: имплантировал ложные воспоминания, отправил их на восемьдесят лет в прошлое... Их нужно распрограммировать, реакклиматизировать к жизни в этом столетии, — он грустно покачал головой. — Над огромным числом людей жестоко пошутили. К примеру, престарелые жертвы ужасного процесса Мастера. И их семьи. Многие из них, полагаю, уже забрали отсюда детей, веря в то, что это их дражайшие родственники. Похищенных детей придётся, разумеется, вернуть... И кто-то должен будет рассказать этим семьям о том, что их любимые были убиты. Дело будет не из приятных.

У Эйс был расстроенный вид. Она не хотела заниматься всем этим.

— Но в каком-то смысле это и есть их родственники, — осторожно сказала она. — Может, мы просто...

— Нет, Эйс, — сказал Доктор. — Правда должна раскрыться, какой бы горькой она ни была. Это век отчаяния. Век беззащитности. Люди боятся своей смертности как никогда раньше. Мастер воспользовался этим. Это будет для них горьким уроком, но люди должны будут научиться принимать своё старение и смерть. Перемены не остановишь.

— Доктор... — голос Эйс дрожал. — Может быть, я... тоже где-то там.

Она дёрнула плечами, но мысль её не покидала.

— Я сейчас должна быть старая... Интересно...

— Эйс, — перебил её Доктор, — не надо. Не думай об этом. Будущее само сложится.

Эйс слегка улыбнулась:

— Даже без твоего вмешательства в тех случаях, когда всё идёт не так?

— Даже без меня, — улыбнулся Доктор. — Хотя виргоане, наверное, всё-таки понадобятся. Пойдём, нам есть чем заняться.

ЭПИЛОГ

Ди Мэтьюз грубо ткнула пуховкой с пудрой в лицо министра внутренних дел. Он слегка вздрогнул, но ничего не сказал. Он ничего всё утро ничего не говорил. Его беспокойные пальцы сжимали и разжимали помятые записи.

Она ждала этого с нетерпением. Скандал с Хитросом разразился две недели назад, и в правительстве с тех пор был аврал. Слух, или даже предчувствие, прошёл по телевизионному центру; прошёл он, похоже, и по редакциям национальных газет. Всем было ясно, к чему всё идёт. Все знали, на кого обращены все взгляды. СМИ заговорили, и все понимали, что из этого следует.

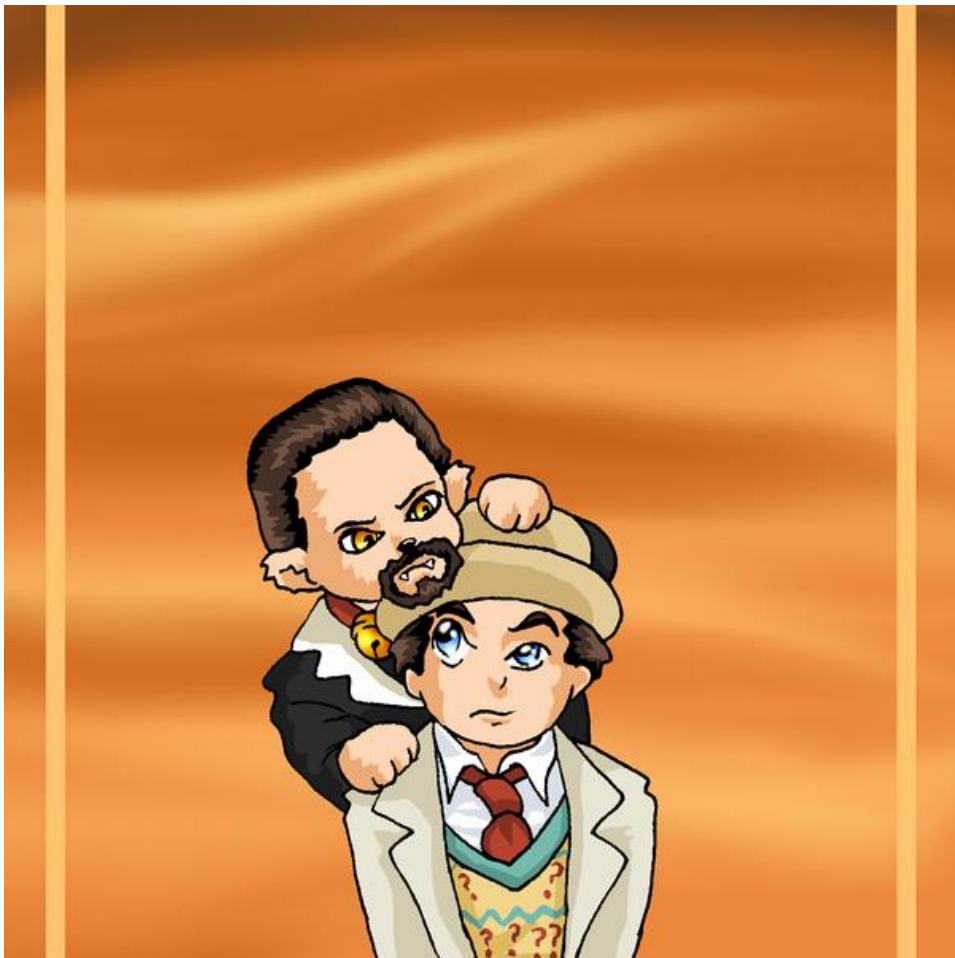
Ник и Тэсмин неожиданно взяли отпуска. На время их отсутствия передачу вести назначили Джерома Харпера. Настоящего тяжеловеса. Бойца. Всем всё было ясно.

— Две минуты, господин министр.

В сказавшем это голосе звучала грубость. Министр неуверенно встал и пошёл на съёмочную площадку, чтобы предстать перед своими обвинителями. Ди смотрела на него из дверей, мрачно улыбаясь тому, как он позволил подвести себя к креслу.

Менеджер площадки, Бен, тоже зловеще улыбался.

— Все готовы?.. — он поднял руку. — Пять секунд, четыре, три, две...

Фан-арт ErinPtah с сайта devianart.com